6СПб

Н. И. Идельсонъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ТРИБУНАЛЪ

ВО ФРАНЦІИ.

Судебно-Историческій Очеркъ.

БИБЛІОТЕКА
Ленинград. отделения
Коммунист. Академии
при ЦИК СССР

19853 — 36852

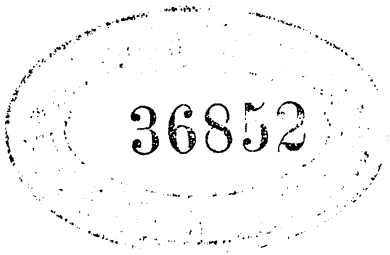
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1913.

2-ой экз
10 к.

KR

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

1418
70



Въ исторіи уголовныхъ судовъ Запада лѣтопись трибунала, дѣйствовавшаго въ Парижѣ во время французской революціи, является, несомѣнно, одною изъ самыхъ трагическихъ страницъ. Созданный Конвентомъ со спеціальнымъ назначеніемъ карать враговъ только что утвердившагося строя новой республики, отчасти подъ вліяніемъ ужаснаго международнаго положенія Франціи въ началѣ 1793 года, подъ постояннымъ страхомъ заговоровъ и козней противъ общественнаго благополучія, цѣлости французской территоріи и благоденствія народа, трибуналъ этотъ за весьма недолгое время своего существованія превратился въ легальное орудіе самаго печальнаго, самаго жестокаго террора. Люди всѣхъ оттѣнковъ политической мысли, цѣлыя фракціи—жирондисты, гебертисты, дантонисты, наконецъ Робеспьеръ съ его сторонниками—проходятъ передъ нимъ и неизмѣнно присуждаются къ смерти по мѣрѣ того, какъ политическая борьба внутри Конвента обрекаетъ на гибель однихъ за другими представителей различныхъ общественно-политическихъ группъ того времени. Къ концу своей дѣятельности, слѣпое орудіе въ рукахъ Робеспьера вплоть до самаго его паденія, революціонный трибуналъ превратился въ какую-то инфернальную машину, которая съ совершеннымъ презрѣніемъ къ элементарнымъ требованіямъ совѣсти и справедливости посылала на гильотину ежедневно по нѣсколько десятковъ человѣкъ; мартирологъ этихъ жертвъ, погибавшихъ безъ всякой защиты, а фактически, какъ мы увидимъ, и безъ всякаго суда, есть въ сущности полная исторія французскаго террора; изслѣдуя его, въ концѣ концовъ, не знаешь, надъ чѣмъ скорбѣть: надъ еди-

ничной ли трагедіей каждой отдѣльной жертвы, надъ самымъ ли фактомъ ихъ чрезвычайнаго множества, или же надъ паденіемъ души человѣческой, которая даже на мѣстѣ судейскомъ можетъ опускаться до такихъ низинъ, до такихъ предѣловъ цинизма, что становится жутко и фантастично самое описаніе дѣятельности этого судилища. Съ этой точки зрѣнія, исторія революціоннаго трибунала является факторомъ чрезвычайнаго значенія и для моралиста и для историка. Разобраться въ этихъ вопросахъ есть для нихъ задача первѣйшей важности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задача труднѣйшая. Насъ же будетъ интересовать здѣсь задача гораздо болѣе скромная. Несомнѣнно, что для всякаго юриста, для всякаго криминалиста въ особенности, является вопросомъ захватывающаго интереса хотя бы отчасти уяснить себѣ тѣ юридическія формы, въ которыхъ протекали навѣки знаменитые процессы Шарлотты Кордэ, королевы Маріи-Антуанетты, жирондистовъ, госпожи Роланэ, Дантона и другихъ жертвъ революціи; съ этою цѣлью мы постараемся лишь, внѣ всякой исторической, политической или иной оцѣнки эпохи и значенія для нея разсматриваемаго учрежденія, изобразить тѣ законы, которые спеціально были созданы для этого страшнаго судилища; изобразить, какъ они примѣнялись въ тѣхъ знаменитыхъ процессахъ, которые только что названы; наконецъ, описать нѣкоторые изъ этихъ процессовъ съ большею или меньшею подробностью, дабы ясно стало, что почиталось въ то время преступленіемъ, и какъ примѣнялось къ нему наказаніе; показать, однимъ словомъ, трибуналъ въ его дѣятельности, т. е. въ работѣ такъ называемыхъ судей и въ страданіяхъ такъ называемыхъ преступниковъ, надъ которыми заносился и съ чрезвычайною быстротою опускался карающій мечъ закона [1]).

---

1) Исторія революціоннаго трибунала нашла себѣ достойнѣйшихъ изслѣдователей. Прежде всего слѣдуетъ указать на удивительный по добросовѣстности 6-ти томный трудъ А. Валлона (1880), который съ величайшей методичностью, день за днемъ разобралъ всѣ процессы и

I.

Революціонный трибуналъ возникъ 10 марта 1793 года. Вѣроятно, что мысль объ учрежденіи экстраординарнаго судилища проявилась нѣсколько ранѣе, быть можетъ, сразу послѣ казни короля (21 января). Все это время было весьма тревожное: непріятель со всѣхъ сторонъ угрожалъ границамъ республики; въ Парижѣ народъ безъ хлѣба грабилъ магазины; возмущеніе чувствовалось въ воздухѣ, и 9 марта оно едва не перешло въ открытое возстаніе, такъ что у самыхъ стѣнъ Конвента толпа, настроенная якобинцами, требовала выдачи депутатовъ—„измѣнниковъ“. Въ этотъ именно день необычайнаго волненія въ Конвентѣ было сдѣлано предложеніе учредить революціонный трибуналъ, который судилъ бы безапелляціонно нарушителей общественнаго спокойствія.

Въ засѣданіяхъ 9 и 10 марта вопросъ объ учрежденіи этого трибунала вызвалъ чрезвычайно горячія пренія и рядъ предложеній самаго рѣзкаго характера; нѣкоторые депутаты высказывались, напримѣръ, даже за то, чтобы трибуналъ этотъ былъ созданъ безъ присяжныхъ засѣдателей[1]), и чтобы просто трое судей, назначенныхъ Конвентомъ, вѣдали всѣ преступленія противъ свободы народа и цѣлости республики. Вернъо, знаменитый ораторъ жирондистовъ, заставилъ отвергнуть это предложеніе. Въ концѣ концовъ,

---

очень подробно изобразилъ ихъ. За пятнадцать лѣтъ до него Компардонъ въ своемъ двухтомномъ трудѣ положилъ основаніе изученію исторіи трибунала,—книга его является классической и по сей день. Наконецъ, за послѣдніе годы, исторія революціоннаго трибунала сдѣлалась предметомъ живого интереса со стороны многихъ изслѣдователей, и въ цѣломъ рядѣ монографій раскрываются одни за другими различные процессы со всѣми участниками ихъ.

[1]) Напоминаемъ, что присяжные засѣдатели введены во Франціи въ первый періодъ революціи; объ ихъ учрежденіи спеціально говорится въ конституціонномъ актѣ 1791 года (8 ст. 5 гл. 3 раздѣла); тѣ же основныя положенія перешли засимъ и въ конституціонный актъ 24 іюня 1793 г. (ст. 96—97).

Дантонъ, со свойственной ему страстностью, настоялъ, чтобы Конвентъ въ этотъ же самый день, 10 марта, принялъ декретъ объ организаціи новаго трибунала. „Будемъ страшными, чтобы избавить народъ отъ необходимости быть таковымъ; организуемъ судъ,—и не хорошимъ, ибо этого нельзя, но наименѣе сквернымъ изъ всѣхъ возможныхъ,—для того, чтобы мечъ закона былъ занесенъ надъ головами всѣхъ враговъ его". Конвентъ внялъ голосу великаго трибуна: въ этотъ же день прошелъ декретъ, съ котораго исторія революціоннаго трибунала и начинается.

Сущность этого закона сводится къ слѣдующему:

Согласно ст. 1, въ Парижѣ учреждается экстраординарный уголовный судъ, которому подсудны всякое контръ-революціонное предпріятіе, всякое покушеніе на свободу, равенство, единство и недѣлимость республики, на внутреннюю и внѣшнюю безопасность государства, равно какъ и всѣ заговоры, направленные къ возстановленію королевства или установленію всякаго иного образа правленія, несовмѣстимаго со свободой, равенствомъ и верховенствомъ народа, и независимо отъ того, принадлежатъ ли обвиняемые къ военнымъ или гражданскимъ должностнымъ лицамъ или же къ простымъ гражданамъ.—Вслѣдъ за симъ, законъ опредѣлилъ, что судъ будетъ состоять изъ присяжныхъ засѣдателей и судей, которые будутъ вести слѣдствіе и примѣнять законъ, согласно рѣшенію присяжныхъ о фактахъ; что судьи, равно какъ и присяжные (въ числѣ 12 и 4 запасныхъ), должны быть назначены самимъ Конвентомъ изъ гражданъ департамента Парижа и четырехъ смежныхъ съ нимъ (ст. 2, 5, 7); что приговоры этого суда будутъ приводиться въ исполненіе безъ права кассаціи (ст. 13). Затѣмъ, изъ текста закона слѣдуетъ, что Конвентъ имѣлъ въ виду оставить за собою—и только за собою—право преданія суду этого чрезвычайнаго судилища; по крайней мѣрѣ, законъ требовалъ, чтобы всѣ протоколы допросовъ, доносы и всѣ документы, относящіеся къ указаннымъ дѣламъ, направлялись въ Конвентъ непосредственно, при чемъ особая комиссія изъ шести чле-

новъ Конвента должна была спеціально ихъ разсматривать, составлять обвинительные акты и вообще слѣдить за производствомъ революціоннаго трибунала (ст. 9 и 10) и давать о немъ отчетъ Конвенту. Такимъ образомъ, ясно, что новый судъ, по самой мысли его учредителей, имѣлъ прямое назначеніе служить какъ бы исполнительнымъ судилищемъ въ рукахъ Конвента и осуществлять нѣкоторую часть политической работы этого учрежденія.

Изъ дальнѣйшихъ диспозицій закона надлежитъ отмѣтить одно правило, пожалуй самое удивительное, заключающееся въ томъ, что присяжные засѣдатели должны были, по возвращеніи изъ совѣщательной комнаты, открыто и громогласно мотивировать и высказывать свое рѣшеніе (ст. 12).—Эта часть закона вызвала при обсужденіи его самыя оживленныя пренія; она же явилась причиною самыхъ губительныхъ послѣдствій въ будущемъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое совѣщательная комната, когда, силою самаго закона, двери ея предполагаются открытыми? Когда присяжные, передъ толпою публики, передъ обвинителемъ и судьями, должны открыто высказывать свое рѣшеніе? Несомнѣнно, что это правило было принято, какъ нѣкоторая уступка тѣмъ, которые требовали трибунала безъ всякихъ присяжныхъ засѣдателей [1]); тутъ, надо думать, играло нѣкоторую роль и опасеніе, что присяжные могутъ быть подкуплены золотомъ Питта, эмигрантовъ и Австріи, которое тогда всѣмъ и всюду мерещилось. По крайней мѣрѣ, въ одной изъ вліятельныхъ газетъ того времени, „Революціи Парижа“ (т. XV, стр. 541), прямо проводится мысль, что открытое голосованіе можетъ (хотя и то не навѣрное) спасти народъ отъ коррупціи присяжныхъ засѣдателей, ибо „съ бѣлыми шарами лицемѣры прятались и оправдывали измѣнниковъ такъ же, какъ путемъ тайнаго голосованія даютъ мѣста интриганамъ и аристократамъ.—

1) Ср. слова Ламарка: «Только при томъ условіи, чтобы присяжные голосовали открыто, *друзья свободы* согласились на то, чтобы присяжные участвовали въ рев. триб.».

Правъ, продолжаетъ журналистъ, тотъ депутатъ, который утверждаетъ, что не нужно тайнаго голосованія такъ же, какъ и тайнаго свидѣтельскаго показанія"... Но тому, кто знаетъ слабость души человѣческой, должно быть ясно, что такое наивное разсужденіе было въ корнѣ ошибочно, и что, быть можетъ, именно въ этомъ опредѣленіи закона кроется одна изъ причинъ всей послѣдующей системы террора.

Наконецъ, самый способъ избранія присяжныхъ самимъ Конвентомъ (намъ даже трудно представить себѣ, какъ 749 человѣкъ должны были остановить свой выборъ на нѣсколькихъ личностяхъ, по самому существу, незамѣтныхъ въ политическомъ отношеніи), разумѣется, также былъ далекъ отъ обезпеченія присяжныхъ засѣдателей отъ всякаго политическаго вліянія. Къ тому же, въ самомъ скоромъ времени эти присяжные сдѣлались какъ бы настоящими магистратами; они смѣнялись въ исключительныхъ случаяхъ и получали опредѣленное содержаніе—по 18 ливровъ въ день.

Такимъ образомъ, институтъ присяжныхъ засѣдателей, или, какъ выражались тогда, „божественное установленіе присяжныхъ" было принято въ революціонномъ трибуналѣ извращеннымъ въ его основаніи, такъ какъ самая сущность его подверглась значительнымъ измѣненіямъ, а самыя характерныя особенности—тайное голосованіе, быстрая смѣняемость—были отброшены.

Наряду съ назначеніемъ судей и присяжныхъ, Конвентъ оставилъ за собою же право назначенія публичнаго обвинителя и двухъ его товарищей (ст. VI закона 10 марта). Къ этимъ чертамъ, въ общемъ, сводится организація трибунала по закону 10 марта 1793 года.

Итакъ, мы видимъ, что этотъ судъ долженъ былъ функціонировать по образцу розыскного судилища: никакого особаго установленія для разслѣдованія преступленій учреждено не было и на самую власть судебную была возложена обязанность вести предварительное слѣдствіе; а въ дѣйствительности, въ огромномъ

большинствѣ случаевъ, все это слѣдствіе сводилось къ предварительному (тайному) допросу обвиняемаго однимъ изъ судей трибунала въ присутствіи общественнаго обвинителя.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему описанію установившихся въ этомъ судѣ формъ производства, коснемся тѣхъ матеріальныхъ законовъ, для примѣненія которыхъ революціонный трибуналъ собственно и былъ созданъ Конвентомъ. Въ томъ же законѣ 10 марта было установлено, что судьи экстраординарнаго трибунала будутъ примѣнять наказанія, указанныя въ уголовномъ уложеніи [1]) и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ, съ обязательной конфискаціей всего имущества лицъ, присужденныхъ къ смертной казни, кромѣ того, былъ предусмотрѣнъ и случай обвиненія кого либо въ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ ни новыми законами, ни уголовнымъ уложеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такого рода, что самое пребываніе даннаго лица на территоріи республики могло быть признано судомъ причиной нарушенія общественнаго спокойствія или возмущенія: при этихъ условіяхъ судъ долженъ былъ приговорить осужденнаго къ высылкѣ изъ предѣловъ республики (ст. 1, 2, 3 главы II закона 10 марта).

Такимъ образомъ, вообще говоря, при самомъ учрежденіи новаго трибунала никакихъ спеціальныхъ карательныхъ, матеріально-правовыхъ нормъ для него создано не было. Но въ тѣ дни едва ли проходила недѣля, чтобы Конвентъ не издавалъ какого-нибудь закона, карающаго смертной казнью за различныя дѣянія. Въ эти мѣсяцы, между возстаніемъ Вандеи съ одной стороны (февраль—мартъ), измѣною генерала Дюмурье передъ Австрійцами—съ другой (4 апрѣля), какъ бы взятый въ клещи, Конвентъ бросалъ на раскаленную до бѣла страну одинъ исключительный законъ за другимъ.—Законъ 18 марта: всякому эмигранту или предста-

[1]) Эти наказанія были: смертная казнь, ссылка, заключеніе въ тюрьмѣ и кандалы. Напоминаемъ, что „уголовнымъ уложеніемъ“ Франціи называется кодексъ, введенный въ дѣйствіе законами 25 сент. — 6 окт. 1791 года.

вителю культа, подлежащему изгнанію, но обнаруженному въ предѣлахъ республики,—смертная казнь. Законъ 29 марта: за сочиненіе всякихъ произведеній, брошюръ и т. д., возбуждающихъ къ роспуску національнаго представительства,—смертная казнь. Затѣмъ, второй законъ объ эмигрантахъ (28 марта), коимъ назначалась смертная казнь уже всѣмъ эмигрировавшимъ; при этомъ, обвинителю не было необходимости доказывать фактъ эмиграціи; было достаточно, если самъ обвиняемый не могъ установить противнаго: на него ложилось бремя доказательства.—Наконецъ, 5 апрѣля новый, весьма важный законъ о революціонномъ трибуналѣ. Въ отмѣну закона 10 марта Конвентъ постановилъ, что право преданія суду всѣхъ гражданъ республики, за исключеніемъ генераловъ, министровъ и членовъ Конвента, отнынѣ передавалось общественному обвинителю, который могъ „по доносу установленныхъ властей или гражданъ, заключать подъ стражу, преслѣдовать и предавать суду всѣхъ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ“. Такъ все населеніе Франціи, за ничтожными исключеніями, было отдано подъ удары страшныхъ законовъ и въ руки человѣка, не менѣе страшнаго, который, какъ истинное олицетвореніе террора, въ дѣло ихъ примѣненія внесъ много жестокости, подчасъ варварства: въ руки общественнаго обвинителя при революціонномъ трибуналѣ Парижа. На эту должность уже 13 марта былъ назначенъ Конвентомъ Антуанъ-Кентэнъ Фукье-Тэнвиль.

Этотъ человѣкъ — центральная фигура всего революціоннаго трибунала; его постоянно видитъ и чувствуетъ всякій, кто изучаетъ исторію послѣдняго; всѣ остальные, всѣ эти судьи и присяжные—блѣдныя тѣни въ сравненіи съ общественнымъ обвинителемъ. Кто же этотъ человѣкъ?

Несомнѣнный неудачникъ во время стараго порядка, онъ явился въ 1773 году въ Парижъ изъ провинціи. Происходилъ онъ изъ помѣщиковъ; въ молодости онъ подготовлялся къ судебной дѣятельности, и въ Парижѣ работалъ при такъ назы-

ваемыхъ прокурорахъ — нѣчто вродѣ современныхъ нотаріусовъ; въ 1774 году пріобрѣлъ патентъ на самостоятельную должность такого прокурора при Шателэ; но уже въ 1782 году долженъ былъ продать ее. Затѣмъ слѣдъ его совершенно теряется, вплоть до самой революціи. Уцѣлѣлъ, какъ бы въ насмѣшку надъ всей его будущей дѣятельностью, написанный имъ, вѣроятно, въ эту именно эпоху, мадригалъ Людовику XVI — очень льстивый и столь же лживый. Когда же затѣмъ событія 10 августа 1792 года перевернули весь строй Франціи, когда на сцену явились люди совершенно другой формаціи, Фукье вспоминаетъ, что секретарь при министрѣ юстиціи (Дантонѣ) Демуленъ — его компатріотъ, быть можетъ, и родственникъ; и 20 августа того же года онъ обращается къ Демулену съ письмомъ-прошеніемъ (Компардонъ 1, 18); — Въ началѣ его идутъ ссылки на „патріотизмъ“, до сей поры якобы подвергавшійся преслѣдованіямъ, и засимъ просьба: „Я льщу себя надеждою, что Вы соблаговолите хлопотать за меня передъ министромъ юстиціи, дабы онъ предоставилъ мнѣ мѣсто или въ его канцеляріи или гдѣ угодно. Вы знаете, что у меня многочисленное семейство, и т. д. и т. д.“ — Эта просьба была уважена: Фукье получаетъ постъ директора обвинительнаго жюри при „Трибуналѣ 17 августа“ [1]). По этому поводу стоитъ вспомнить теперь же о другой просьбѣ, которая черезъ 18 мѣсяцевъ была обращена къ самому Фукье и исходила отъ отца Камилла Демулена. Въ это время Дюмулэнъ, вмѣстѣ съ Дантономъ и многими другими, томился въ тюрьмѣ. Отецъ хлопоталъ передъ Фукье за сына. На этотъ разъ—увы—просьба не была уважена, и Камиллъ пошелъ на эшафотъ...

Къ моменту учрежденія революціоннаго трибунала Фукье, видимо, успѣлъ зарекомендовать себя передъ министромъ юстиціи, ибо онъ былъ назначенъ замѣстителемъ (товарищемъ) об-

---

1) Этотъ судъ просуществовалъ до 29 ноября 1792 г., оказался весьма бездѣятельнымъ и никакихъ громкихъ дѣлъ не разбиралъ, вынесъ 5 смертныхъ приговоровъ роялистамъ.

щественнаго обвинителя, нѣкоего Фора; за отказомъ же этого послѣдняго отъ должности Фукье сталъ на его мѣсто. Незамѣтными и какъ бы неслышными шагами этотъ маленькій и обозленный неудачами человѣкъ пробрался въ поискахъ „какого либо мѣста“ на мѣсто, гдѣ въ его рукахъ оказалась вся страна. И здѣсь онъ былъ ужасенъ, ужасенъ, какъ холодная машина, которая дѣлала то, что ей предписывается, для которой совѣсть, страданья людей были ничто; страшный работникъ, поддерживавшій себя водкою и опьянявшій себя запахомъ крови, которую онъ лилъ, этотъ человѣкъ, безъ устали и безъ пощады, посылалъ на казнь сперва единицы, потомъ десятки и, наконецъ, сотни людей; въ концѣ концовъ, сталъ безмѣрно жестокъ: требовалъ, чтобы дѣлали кровопусканія осужденнымъ, прежде чѣмъ ихъ вести на эшафотъ; самъ, своею властью, производилъ какія то мрачныя буффонады передъ гильотиной („красныя рубахи“ въ дѣлѣ Амираля и Сесили Рено);—здѣсь всего не перечесть. И мы утверждаемъ, что рядомъ съ нимъ всѣ предсѣдатели, всѣ судьи, всѣ присяжные засѣдатели революціоннаго трибунала (а ихъ потомъ стало очень много), всѣ эти люди какъ бы незамѣтны. Изъ нихъ одни были грубы (предсѣдатель Кофиналь съ его знаменитымъ окрикомъ: тебѣ не принадлежитъ слово), другіе жестоки, третьи болѣе или менѣе благородны,—но всѣ они передъ Фукье были ничто. И когда черезъ два года на скамью подсудимыхъ сядутъ и самъ Фукье, и эти судьи, и присяжные, и начнется знаменитый процессъ самаго трибунала,—одинъ изъ этихъ присяжныхъ скажетъ: „Я былъ топоромъ, которымъ пользовались. Развѣ можно судить топоръ?“ Мы думаемъ, что, въ сущности, онъ не былъ, въ этихъ словахъ, очень неправъ.—И потому этихъ людей мы оставимъ и возвратимся къ самому трибуналу: посмотримъ же, какъ падалъ этотъ „топоръ“.

Мы уже видѣли, что, за силою закона 5 апрѣля 1793 года, общественный обвинитель былъ уполномоченъ дѣлать постановленія

о заключеніи подъ стражу всякаго лица, подозрѣваемаго въ государственномъ преступленіи; арестованные со всей территоріи Франціи препровождались въ одну изъ тюремъ Парижа. Здѣсь черезъ нѣкоторое время ихъ подвергали такъ называемому тайному допросу. По приказу предсѣдателя трибунала или одного изъ судей заключеннаго приводили въ самое зданіе Суда, и здѣсь одинъ изъ членовъ его, въ присутствіи общественнаго обвинителя или его товарища, допрашивалъ обвиняемаго сообразно съ данными, обнаруженными путемъ доносовъ или записанныхъ показаній свидѣтелей. Допросъ этотъ всегда заканчивался вопросомъ къ обвиняемому, избралъ ли онъ себѣ защитника или же желаетъ назначеннаго, и въ случаѣ надобности защитникъ тутъ же назначался. Этотъ тайный допросъ протоколировался самымъ тщательнымъ образомъ и служилъ основаніемъ къ дальнѣйшему процессу.

Если по отвѣтамъ обвиняемаго оказывалось, что дальнѣйшее преслѣдованіе его не можетъ имѣть мѣста, то одинъ изъ членовъ суда входилъ съ представленіемъ объ этомъ въ трибуналъ, который, въ полномъ собраніи отдѣленій, дѣйствуя какъ камера преданія суду (chambre de conseil), и въ присутствіи общественнаго обвинителя, отказывавшагося отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, постановлялъ опредѣленіе о прекращеніи обвиненія и объ освобожденіи заключеннаго.

Если же, наоборотъ, отвѣты обвиняемаго и обстоятельства дѣла не устраняли необходимости дальнѣйшаго изобличенія его передъ судомъ, то на основаніи того же предварительнаго допроса либо самимъ общественнымъ обвинителемъ, либо однимъ изъ его товарищей составлялся обвинительный актъ.

Актъ этотъ по содержанію своему въ общемъ вполнѣ соотвѣтствовалъ привычнымъ нашимъ понятіямъ.

Начинается онъ всегда съ общей формулы: „А. К. Фукье—Тенвиль, общественный обвинитель при революціонномъ трибуналѣ, установленномъ закономъ 10 марта 1793 года, безъ всякой кас-

сапіи, и въ виду правъ, ему предоставленныхъ ст. 2 другого декрета конвента отъ 5 апрѣля 1793 года, гласящей, что общественный обвинитель названнаго трибунала облеченъ правомъ заключать подъ стражу, преслѣдовать и предавать суду по доносу установленныхъ властей или гражданъ, излагаетъ, что..." и далѣе слѣдуетъ историческая часть обвинительнаго акта, написанная обыкновенно по пунктамъ и большею частью въ очень декламаторскомъ и напыщенномъ стилѣ. Затѣмъ слѣдуетъ: „на основаніи изложеннаго, общественный обвинитель возбудилъ настоящее обвиненіе противъ такого то въ томъ",—и приводятся выводы, т. е. описаніе сущности преступленія въ понятіяхъ законныхъ, равно какъ и ссылки на тѣ статьи, которыми предусмотрѣно преступленіе.

Послѣ этого въ обвинительномъ актѣ помѣщается всегда заключительная формула, которая гласитъ такъ: „А посему общественный обвинитель требуетъ, чтобы настоящее обвиненіе было утверждено трибуналомъ въ общемъ его собраніи; чтобы было постановлено, что по приказу суда обозначенный въ семъ актѣ такой-то, находящійся въ такой то тюрьмѣ, вносится его приставомъ въ списки Консьержери, чтобы оставаться въ ней и числиться за трибуналомъ; и чтобы имѣющее быть постановленнымъ опредѣленіе было сообщено муниципалитету Парижа и обвиняемому".

Уже эта формула указываетъ, что въ революціонномъ трибуналѣ примѣнялся нѣсколько странный способъ преданія суду или утвержденія обвиненія тѣмъ самымъ судомъ, который долженъ былъ разсматривать дѣло по существу.—Намъ неизвѣстны случаи, чтобы при этомъ возникали какіе-либо конфликты между судомъ и представителемъ обвиненія; даже болѣе, законы 10 марта и 5 апрѣля какъ бы не оставляли мѣста возможности такого случая; эта процедура была цѣликомъ заимствована изъ правилъ, установленныхъ для нѣкоторыхъ уголовныхъ судовъ того времени, и оставалась, какъ ненужная формальность въ революціонномъ судилищѣ. Во всякомъ случаѣ, фактически, всѣ обвинительные

акты дѣйствительно утверждались судомъ, и соотвѣтствующее опредѣленіе (отъ слова до слова соотвѣтствующее заключительнымъ ходатайствовалъ обвинителя) включалось въ самый текстъ обвинительнаго акта [1]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого опредѣленія былъ уже указанный переводъ обвиняемаго изъ мѣста его заключенія въ тюрьму, спеціально существовавшую (и существующую и понынѣ) при трибуналѣ (теперь при дворцѣ правосудія)—такъ называемую Консьержери, это настоящее и столько разъ описанное преддверіе эшафота. Въ теченіе послѣдняго столѣтія оно подвергалось многимъ измѣненіямъ, пристройкамъ и передѣлкамъ; но нѣкоторыя части (напр., знаменитая рѣшетка такъ называемаго „двора женщинъ“) остались приблизительно такими же, какими были въ ту эпоху; и доколѣ живо въ человѣчествѣ чувство состраданія къ чужимъ мученіямъ, дотолѣ никто не будетъ обходить эти жуткія мѣста безъ трепетнаго волненія...

Черезъ нѣсколько времени по переводѣ въ Консьержери, заключенному вручалась копія обвинительнаго акта вмѣстѣ со спискомъ свидѣтелей, вызванныхъ на судъ обвинителемъ, равно какъ и списокъ присяжныхъ, которые должны были участвовать въ разборѣ дѣла [2]). Вопросъ о правѣ и способахъ вызова свидѣтелей защиты ни юридически, ни практически разработанъ не былъ; намъ неизвѣстны даже примѣры вызова подобныхъ свидѣтелей.

Обращаясь теперь къ порядку разсмотрѣнія дѣла на судѣ, мы

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что въ общихъ уголовныхъ судахъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ эпоху съ 1791 до 1808 года для преданія обвиняемыхъ суду существовало, какъ въ Англіи, особое „обвинительное жюри“, которое, подъ руководствомъ т. наз „директора“, разсматривало предварительныя слѣдствія. Способъ, примѣнявшійся въ революціонномъ трибуналѣ, былъ заимствованъ изъ окружныхъ судовъ того времени. Впослѣдствіи, въ 1808 году онъ былъ примѣненъ и къ дѣламъ, рѣшавшимся присяжными. Просуществовалъ онъ до 1856 года.

2) Обвиняемый могъ отводить присяжныхъ. Судъ долженъ былъ въ виду такого ходатайства сдѣлать постановленіе въ теченіе 24 часовъ (ст. XI закона 10 марта).

прежде всего, конечно, должны имѣть въ виду, что судъ, надъ которымъ нѣтъ и не можетъ быть кассаціонной повѣрки, тѣмъ самымъ уже освобожденъ отъ обязанности точнаго подчиненія законамъ; все производство такого суда несомнѣнно должно остаться въ формахъ самыхъ зачаточныхъ; говорить о какихъ-либо процессуальныхъ тонкостяхъ здѣсь не приходится. И революціонный трибуналъ, свободный отъ всякаго юридическаго контроля въ своихъ дѣйствіяхъ, носившихъ явный отпечатокъ политическихъ страстей, даетъ намъ примѣръ ужаснаго паденія судилища. Въ началѣ его дѣятельности по крайней мѣрѣ отдаленно соблюдались права обвиняемаго, судебное слѣдствіе велось съ полнотою и, быть можетъ, объективностью; но черезъ нѣкоторое время все это пало, формы процесса стали грубы и отвратительны; печатный бланкъ протокола, не стоящій въ соотвѣтствіи съ дѣйствительно происходившимъ на судѣ, является единственнымъ напоминаніемъ о тѣхъ нормахъ, которыя должны были быть соблюдены во время засѣданія.

Но и въ этомъ ихъ значеніи эти протоколы, полагаемъ мы, не лишены своеобразнаго юридико-историческаго значенія. Они даютъ намъ, во всякомъ случаѣ, картину того производства, которое примѣнялось въ началѣ дѣятельности революціоннаго трибунала. Сообразно имъ, оно представляется въ слѣдующемъ видѣ: засѣданіе, происходившее всегда и безъ исключенія при открытыхъ дверяхъ присутствія, открывалось со входа присяжныхъ засѣдателей, которые наканунѣ по жребію избирались въ одномъ отдѣленіи суда для другого (здѣсь бывали примѣры самыхъ серьезныхъ злоупотребленій). Число присяжныхъ установлено не было, ихъ засѣдало отъ 15 до 7 человѣкъ (процессъ Дантона).—Затѣмъ вводился подсудимый, „свободный и безъ оковъ“ (постоянная формула) и помѣщался такъ, чтобы быть виднымъ и слышнымъ суду и присутствующимъ, а вслѣдъ за нимъ приглашались свидѣтели, вызванные общественнымъ обвинителемъ.

Предсѣдатель въ присутствіи всей аудиторіи предлагалъ при-

[illegible] ...ции
[illegible] ...е...
[illegible] ...ным наукам

сяжнымъ, каждому по очереди, принять слѣдующую присягу. „Гражданинъ, вы клянетесь и обѣщаете разобрать самымъ тщательнымъ образомъ обвиненіе, возбужденное противъ находящагося здѣсь подсудимаго, не сообщаться ни съ кѣмъ до вашего рѣшенія; не внимать ни ненависти, ни злобѣ, ни страху или привязанности; слагать свое убѣжденіе какъ на основаніи имѣющихся уликъ, такъ и доводовъ защиты, согласно съ вашей совѣстью и вашимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, съ безпристрастіемъ и спокойствіемъ, подобающими свободному человѣку“.

По принятіи присяги присяжные помѣщались на своихъ мѣстахъ, противъ обвиняемаго и свидѣтелей. Послѣ сего подсудимые опрашивались предсѣдателемъ объ ихъ званіи, возрастѣ, занятіи, мѣстожительствѣ и мѣстѣ рожденія. Предсѣдатель приглашалъ подсудимыхъ быть внимательными къ тому, что они услышатъ, и приказывалъ секретарю огласить обвинительный актъ. Послѣ его оглашенія предсѣдатель говорилъ подсудимымъ: „Вотъ въ чемъ васъ обвиняютъ; вы услышите улики, которыя собраны противъ васъ“. Начинается допросъ свидѣтелей. Въ протоколѣ засѣданія значится: свидѣтели, указанные обвинителемъ, выслушавъ чтеніе обвинительнаго акта, удалились. Затѣмъ они вводятся по очереди, присягаютъ каждый отдѣльно (текстъ: клянусь и обѣщаюсь говорить безъ ненависти и страха, показать правду, всю правду и только одну правду). Сущность показанія записывалась не всегда. По опросѣ каждаго свидѣтеля, предсѣдатель спрашивалъ подсудимаго, что онъ можетъ объяснить по поводу сего показанія, причемъ предсѣдатель, судьи, присяжные и обвиняемый дѣлали заявленія и задавали необходимые вопросы. Предсѣдатель объявлялъ пренія законченными; стороны обмѣнивались рѣчами; засимъ предсѣдатель резюмировалъ дѣло и, „приведя его къ самымъ простымъ началамъ, обращалъ вниманіе присяжныхъ на обстоятельства и доказательства, могущія имѣть значеніе какъ противъ, такъ и въ пользу подсудимаго“. Затѣмъ предсѣдатель, согласно съ мнѣніемъ судей, составлялъ вопросы о фактахъ, подлежавшихъ

19853

БИБЛИОТЕКА
Ленинград. отделения
Коммунист. Академии
при ЦИК. СССР.

рѣшенію присяжныхъ, и передавалъ ихъ присяжнымъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они должны были ихъ обсуждать, вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ, другими документами и протоколами, кромѣ письменныхъ показаній свидѣтелей. Вслѣдъ за симъ, присяжные удалялись въ свою комнату, и предсѣдатель приказывалъ увести подсудимаго. Судъ въ полномъ составѣ оставался въ залѣ засѣданія во время совѣщанія присяжныхъ. Послѣ извѣщенія, что присяжные „готовы вынести рѣшеніе“, они вводятся въ залъ и предсѣдатель спрашиваетъ поименно каждаго изъ нихъ о его рѣшеніи по каждому изъ вопросовъ, поставленныхъ на ихъ разрѣшеніе. Послѣ этого, подсудимые вновь вводились въ залъ, „свободные и безъ оковъ“, и предсѣдатель объявлялъ имъ рѣшеніе присяжныхъ. Въ случаѣ оправданія, обвиняемый освобождался изъ подъ стражи, и подчасъ предсѣдатель давалъ ему „братскій поцѣлуй“. Въ противномъ случаѣ онъ же обращался къ нему со словами: „вы услышите сейчасъ заключенія общественнаго обвинителя“. Обвинитель высказывалъ свое мнѣніе о примѣненіи закона. Предсѣдатель спрашивалъ подсудимыхъ, не могутъ ли они заявить чего либо по этому поводу. Наконецъ, судьи высказывались „громкимъ голосомъ, начиная съ младшаго, о наказаніи“, и предсѣдатель провозглашалъ приговоръ.

Таковъ протоколъ; о вопросахъ, предлагавшихся на разрѣшеніе присяжныхъ, мы скажемъ далѣе; пока отмѣтимъ лишь, что вопросъ о событіи преступленія выдѣлялся всегда, за нимъ слѣдовалъ вопросъ о виновности каждаго изъ подсудимыхъ. Остается указать, что въ окончательныхъ приговорахъ помѣщалась, такъ сказать, вся исторія даннаго процесса, а именно, въ началѣ, вслѣдъ за заголовкомъ, идетъ резолюція: „приговоръ, вынесенный революціоннымъ трибуналомъ, учрежденнымъ по закону 10 марта 1793 года, который, въ виду рѣшенія присяжныхъ (прописывается полностью), приговариваетъ такихъ-то лицъ, на основаніи такого-то закона, къ такому-то наказанію“. Засимъ идетъ самый приговоръ, въ который включается весь текстъ: а) обвинительнаго

акта, б) опредѣленія объ утвержденіи его судомъ, о зачисленіи обвиняемаго за судомъ; в) вопросовъ о виновности и отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей; г) резолютивной части, въ коей прописывается текстъ карательнаго закона; здѣсь же упоминается о конфискаціи имущества осужденныхъ; и д) приказа объ обращеніи приговора, властью общественнаго обвинителя, къ исполненію и притомъ, въ случаѣ присужденія къ смертной казни, въ теченіе 24 часовъ и на одной изъ площадей Парижа; наконецъ, приказа о распубликованіи и расклейкѣ сего приговора по всей территоріи республики.

Таково, въ общихъ чертахъ, судопроизводство революціоннаго трибунала. Судя по мертвымъ, печатнымъ бланкамъ, можно, какъ будто бы, придти къ выводу, что въ революціонномъ трибуналѣ были введены такія формы правосудія, которыя могли обезпечивать подсудимому правильное рѣшеніе его участи. Но, какъ уже сказано, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, тѣмъ грубѣе дѣлаются отступленія отъ этихъ элементарныхъ правилъ процесса, отъ справедливости: случаи постояннаго общенія присяжныхъ съ обвинителемъ, образованіе кадровъ „прочныхъ“ присяжныхъ засѣдателей, вердиктъ которыхъ не вызываетъ сомнѣнія; казнь однихъ лицъ вмѣсто другихъ (отецъ Луазероль, вмѣсто сына); приговоры, написанные заранѣе; переходъ одного изъ присяжныхъ среди процесса на мѣсто свидѣтеля, съ возвращеніемъ обратно послѣ дачи показанія; однимъ словомъ, настоящее море юридическаго безумія.

Какова же была среди всего этого роль защиты? Мы уже видѣли, что защитникъ назначался въ концѣ такъ называемаго предварительнаго, тайнаго допроса. Скажемъ болѣе: вопросъ къ подсудимому о томъ, имѣетъ ли онъ защитника, при чтеніи этихъ допросовъ предзнаменуетъ собою печальный исходъ. Ибо, разъ этотъ вопросъ ставился, значитъ судья считалъ, что онъ уже въ чемъ-то изобличилъ обвиняемаго, значитъ его можно судить и послать на гильотину. И такъ, въ сущности, и дѣлалось. Какъ бы то ни было, защита стремилась исполнить свое назначеніе. Но,

какъ извѣстно, въ это время адвокатура перестала существовать, какъ единое цѣлое; наряду со всѣми сословіями, было уничтожено, еще за три года передъ тѣмъ, и адвокатское (декреты 2 сентября и 15 декабря 1790 г.). Въ лицѣ защитника могъ фигурировать отнынѣ всякій гражданинъ, получая титулъ „офиціальнаго защитника“. Однако же, въ революціонномъ трибуналѣ плэдировали, несмотря на это, нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ членовъ прежняго сословія: Шаво-Лагардъ, Тронсонъ-Дюкудрэ, Виленъ, Лаво, Реаль и многіе другіе. Но затрудненіе состояло въ томъ, что муниципалитетъ парижскій (коммуна) воспретилъ въ то время входъ въ трибуналъ защитникамъ, не обладавшимъ „удостовѣреніями въ хорошей гражданственности“, т. е. политической благонадежности. Они призывались въ коммуну и опрашивались здѣсь о ихъ привязанности къ новому строю; но, въ случаѣ признанія ихъ недостойными такого удостовѣренія, они сами объявлялись подозрительными и о нихъ сообщалось комитету общественной безопасности. Лаво въ своихъ мемуарахъ (Парижъ, 1815) разсказываетъ, что такое представляла изъ себя въ то время обязанность защитника. Онъ самъ тоже не имѣлъ удостовѣренія, но все-таки не переставалъ плэдировать. „Но вы мнѣ повѣрите,—говоритъ онъ,—что я никогда не входилъ въ залъ засѣданія, не ощущая волненія; и что часто, разбуженный звонкомъ въ пять часовъ утра, я думалъ, что наступаетъ мой послѣдній день. Это были обвинительные акты, которые мнѣ приносили, и по которымъ я, не видя обвиняемаго, долженъ былъ выступать въ 10 часовъ... Но я вѣдь зналъ, что многихъ, взятыхъ изъ дому утромъ, тащили на эшафотъ въ два часа дня“. Разумѣется, среди такого страха каждаго за самого себя прежде всего, при сознаніи полной своей безпомощности и ненужности въ этой роли, рѣчи защиты становятся блѣдными; всегда импровизированныя, онѣ, какъ говорятъ, никогда не были храбрыми и рѣшительными. Какъ бы то ни было, по нашему мнѣнію, вѣчною славою для всѣхъ защитниковъ всѣхъ временъ и народовъ остается

сознаніе, что послѣднія слова, написанныя Шарлоттою Кордэ, были словами благодарности превосходному адвокату, который, случайно присутствуя въ засѣданіи, взялъ на себя, по предложенію предсѣдателя, обязанность ея защитника. Точно также значительны и слова Маріи-Антуанетты, обращенныя ею къ Шаво-Лагарду вслѣдъ за его рѣчью.—„Послѣ того, какъ я говорилъ въ теченіе двухъ часовъ (мемуары Шаво-Лагарда), я ужасно усталъ; королева имѣла доброту замѣтить это и сказать съ самымъ трогательнымъ выраженіемъ: „Какъ вы устали, г. Шаво. Я очень чувствительна къ вашимъ страданіямъ“. Послѣ этихъ словъ, кѣмъ-то подслушанныхъ, Шаво былъ арестованъ на 24 часа. Къ чести этого защитника отмѣтимъ, что въ бумагахъ Робеспьера нашлась записка, гдѣ между лицами, годными для гильотины, названъ и Шаво-Лагардъ.

Къ сожалѣнію, текстъ рѣчей защитниковъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не сохранился; намъ извѣстно только очень ограниченное число ихъ, по той причинѣ, что въ „офиціальныхъ бюллетеняхъ революціоннаго трибунала“, передававшихъ весьма подробно рѣчь обвинителя, рѣчь защитника почти никогда не приводится.—Во всякомъ случаѣ, уже одно сознаніе, что рѣчь все-таки произносилась, доставляетъ намекъ на нѣкоторое нравственное удовлетвореніе.—Что же сказать о послѣдующемъ? Но для этого нужно прослѣдить нѣсколько далѣе исторію развитія революціоннаго судилища.

Мы уже видѣли, что трибуналъ созданъ былъ въ мартѣ 1793 г. въ довольно скромномъ составѣ, въ числѣ всего пяти судей и 12 присяжныхъ засѣдателей. Но такимъ онъ просуществовалъ недолго, ибо количество его работы, количество смертныхъ приговоровъ, очевидно, не удовлетворяло ни конвентъ, ни комитетъ общественнаго спасенія. И дѣйствительно, съ 10 марта по 14 октября 1793 г. трибуналъ разсмотрѣлъ дѣла 316 обвиняемыхъ; изъ нихъ 82 только были приговорены къ смертной казни, 210 оправданы, 24 присуждены къ различнымъ другимъ наказаніямъ.

Но, уже начиная съ сентября, партія власти чувствовала необходимость принятія мѣръ къ осуществленію болѣе быстрой репрессіи. 5-го сентября, по предложенію Мерлэна, выработанъ декретъ, согласно коему трибуналъ раздѣлялся на четыре отдѣленія, причемъ каждое изъ нихъ обладало компетенціей всѣхъ остальныхъ. Число судей доведено до 16, присяжныхъ—до 60. Фактически эти лица были назначены конвентомъ только 28 сентября, и только съ начала октября трибуналъ началъ дѣйствовать въ этомъ усиленномъ составѣ, при чемъ въ теченіе всего слѣдующаго періода все время засѣдали два отдѣленія, въ двухъ залахъ (зала Братства и зала Равенства), въ то время, какъ два другія отдѣленія были заняты предварительнымъ допросомъ обвиняемыхъ и подготовкой дѣлъ къ слушанію. Въ такомъ видѣ трибуналъ дѣйствовалъ съ октября 1793 г. по 22 прэріаля II года республики, т. е. 10 іюня 1794 г. (грубо говоря, зиму 1793 и весну 1794 г.). За эту эпоху прошли самые важные въ историческомъ отношеніи процессы: Маріи-Антуанетты (14—16 октября), Жирондистовъ (31 октября), герцога Орлеанскаго (6 ноября), г-жи Роланъ (8 ноября), астронома Байльи, бывшаго мэра Парижской Коммуны (10 ноября), Мануэля, бывшаго прокурора Коммуны (14 ноября), г-жи Дю-Барри (6 декабря), огромные политическіе процессы Жерминаля II года—процессъ Гебера и другихъ (такъ называемыхъ „крайнихъ“—21 марта 1794 г.), Дантона и Камилла Дюмулэна и другихъ (такъ называемыхъ „умѣренныхъ“—2—5 апрѣля), Шометта, Гобеля и Диллона, вдовъ Гебера и Дюмулэна (20 апрѣля), „генеральныхъ фермеровъ“, среди нихъ Лавуазье—наконецъ г-жи Елизаветы, сестры Людовика XVI (11 мая), а наряду съ ними сотни жертвъ, самыхъ разнообразныхъ классовъ, состояній, развитія. Всего же за это время передъ революціоннымъ трибуналомъ предстало 2042 (по Компардону) подсудимыхъ, изъ нихъ на смертную казнь осуждено 1147, слѣдовательно среднимъ числомъ по пяти казней въ день.

Эта эпоха справедливо считается эпохой развитія террора,

переходомъ къ террору, какъ правительственной системѣ и способу управленія. Здѣсь не мѣсто воскрешать главные этапы этого перехода, ни исторически или экономически его обосновывать. Важнѣйшій же и общій моментъ его, это поразительный подъемъ къ верху, къ вершинамъ власти и вліянія Максимиліана Робеспьера, Робеспьера—Несовратимаго, воистину страшной и загадочной личности, жреца Новой Религіи, основателя новаго культа Высшаго Существа и Всемірнаго Разума, вѣщавшаго воцареніе Добродѣтели среди самыхъ кровавыхъ жестокостей. Это былъ какъ бы настоящій диктаторъ Франціи, человѣкъ, передъ ледянымъ и мигающимъ взоромъ котораго уничтожалась, цѣпенѣла рѣшительно вся страна. И законъ 22 прэріаля (10 іюня 1794 г.)—вѣчный позоръ человѣчества—есть дѣло рукъ этого Великаго Инквизитора; онъ знаменуетъ собою начало самой жестокой эпохи террора, которая длится вплоть до паденія Робеспьера и его приверженцевъ въ знаменитые дни 9 термидора (27 іюля 1794 года). Эти 47 дней—ужасны. Достаточно сказать, что за семь недѣль казнено въ Парижѣ по приговорамъ революціоннаго трибунала 1366 человѣкъ.—„Бойня“, какъ говоритъ Оларъ. Этотъ періодъ является третьимъ по нашему дѣленію въ исторіи кроваваго судилища. Онъ обрывается казнями Робеспьера и его сторонниковъ, которыя продолжались три дня непрерывно (10, 11 и 12 термидора), и стоили жизни 103 человѣкъ. Эти три дня, по ихъ значенію, справедливо можно считать за четвертый періодъ его существованія, вслѣдъ за которымъ весь обликъ его дѣятельности вмѣстѣ со всѣмъ настроеніемъ Франціи рѣшительно мѣняется; историки называютъ иногда даже эту послѣднюю часть дѣятельности трибунала реакціонной, возмѣстительной дѣятельностью. Она отличается огромнымъ числомъ оправдательныхъ приговоровъ, освобожденіемъ значительнаго числа „подозрительныхъ“. Судъ дѣйствовалъ уже съ обновленнымъ составомъ, на новыхъ основаніяхъ, при новомъ настроеніи страны, которое, рѣзко оборвавшись, какъ бы пружина перетянутая, приняло со-

вершенно иное направленіе. Наконецъ, пробилъ часъ возмездія для самого трибунала прежнихъ дней. Передъ обновленнымъ судилищемъ, реорганизованнымъ на началахъ справедливости и гуманности, 29 декабря 1794 года предсталъ и самъ Фукье-Тенвиль, окруженный судьями и присяжными кроваваго трибунала. Этотъ грандіозный процессъ вскрылъ всѣ язвы революціоннаго трибунала, всѣ юридическія ошибки, всю жестокость его; 7 мая 1795 года состоялась казнь общественнаго обвинителя и пятнадцати другихъ бывшихъ членовъ трибунала—какъ судей, такъ и присяжныхъ засѣдателей; 15 человѣкъ были оправданы. На этомъ практически можно считать исторію революціоннаго трибунала законченной; онъ просуществовалъ еще—болѣе по имени—около трехъ недѣль и, наконецъ, 31 мая 1795 года, по декрету конвента, юридически прекратилъ навсегда свое существованіе.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, исторія этого учрежденія, коему было присвоено наименованіе судебнаго въ то время, какъ само оно всей своей дѣятельностью и почти каждымъ часомъ своего существованія какъ бы опровергало возможность наименованія его этимъ высокимъ именемъ.

II.

Революціонный трибуналъ не сразу по своемъ учрежденіи началъ дѣйствовать. Прошло двѣ-три недѣли съ изданія закона 10 марта 1793 года, а этотъ судъ все еще не вынесъ ни одного приговора; видимо, это новое учрежденіе какъ бы налаживается, новые люди собираются съ силами, прежде чѣмъ пустить въ ходъ свою сложную и страшную машину. Только 2 апрѣля состоялось торжественное засѣданіе, въ которомъ передъ публикой предсѣдатель, общественный обвинитель и старшина присяжныхъ объявили въ торжественныхъ рѣчахъ ихъ безпредѣльную готовность быть вѣрными исполнителями законовъ и положить животъ свой, защищая республику. Въ тотъ же день, въ полномъ составѣ,

всѣ члены трибунала продефилировали передъ конвентомъ и предсѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой напоминалъ конвенту, что всѣ они на на своемъ посту; что они ждутъ минуты, когда они „смогутъ примѣнить законъ во всей его строгости къ врагамъ общаго благополучія". Мало того, въ этой рѣчи онъ прямо обвинялъ „комиссію изъ шести" въ бездѣятельности, прося конвентъ прекратить такое положеніе. Эта рѣчь имѣла полный успѣхъ. Въ тотъ же день, по предложенію одного изъ членовъ конвента, поддержаннаго Маратомъ, „комиссія шести" была уничтожена, и, слѣдовательно, та полная зависимость революціоннаго трибунала отъ конвента, которая имѣлась въ виду ранѣе, была устранена.

Черезъ нѣсколько дней—6 апрѣля—былъ вынесенъ первый смертный приговоръ (д. Гюйо-Демуланъ), и въ тотъ же день состоялась казнь этого человѣка, обвиненнаго за эмиграцію.—Одинъ изъ газетчиковъ того времени, отвратительный Дюлакъ, который въ своемъ журнальчикѣ поставилъ себѣ главною и спеціальною задачею описывать предсмертныя мученія жертвъ на эшафотѣ, передаетъ намъ сцену этого перваго приговора: „при произнесеніи его судьи, присяжные, почти вся аудиторія заливались слезами; но скоро сознаніе священнаго интереса республики высушило эти слезы, которыя, быть можетъ, должны бы были течь только надъ трупами невинныхъ патріотовъ" и т. д., и т. д.—А Дюмуланъ, фактически, былъ виновенъ только въ томъ, что при немъ нашли бѣлую кокарду—символъ роялизма. Болѣе никакихъ уликъ не было. Но первая кровь была пролита, и слезы очень скоро совсѣмъ изсякли, а кровь только еще начинала течь.

Но на первыхъ же порахъ, одинъ изъ приговоровъ былъ такъ непонятно суровъ, что раздался ропотъ народный, и надъ революціоннымъ трибуналомъ пронесся голосъ возмущенія. Это случилось 18 апрѣля. Мы говоримъ объ очень незначительномъ и очень простомъ дѣлѣ Екатерины Клеръ, служанки, родомъ изъ Валенсьенъ, 55 или 56 лѣтъ. 7 марта 1793 года нѣкто Бюньо, архитекторъ и членъ коммуны, возвращаясь домой около 12 часовъ

ночи, увидѣлъ женщину, съ виду больную или пьяную; вскорѣ она упала на землю; Бюньо, проходя мимо, былъ немало изумленъ, услышавъ, какъ она говорила: „Не допустимъ, чтобы сыну отрѣзали голову такъ же, какъ отцу“. „О комъ это вы?“—„Я говорю о мальчикѣ, который находится въ Тамплѣ“. — Такія заявленія уже были не только неожиданны, но и опасны, а потому оставить это дѣло безъ послѣдствій добродѣтельный гражданинъ не могъ. Не будемъ описывать подробно его дальнѣйшихъ уловокъ,—какъ Бюньо слѣдовалъ за пьяной горничной, узналъ ея имя и адресъ и подъ предлогомъ, что онъ ведетъ ее къ себѣ, привелъ въ кордегардію секціи санкюлоттовъ и предалъ пьяную преступницу въ руки установленныхъ властей. Но самое ужасное случилось именно здѣсь, когда Екатерина Клеръ, все еще пьяная, передъ лицомъ всѣхъ охранителей общественнаго порядка, стала пѣть и кричать: „да здравствуетъ король“ и многое другое; вся эта сцена продолжалась часа два; потомъ Екатерина Клеръ заснула тяжелымъ сномъ... Когда она проснулась, уже было поздно,—она попала въ зубчатку огромнаго механизма, и онъ завертѣлся надъ нею со страшною быстротою.—Началось слѣдствіе; на немъ было доказано, что она вообще обладала страстью къ вину, а въ данный вечеръ была пьяна... Кромѣ того, нѣкій лимонадникъ Труаръ заявилъ, что въ тотъ вечеръ она уже пьяная была у него, но что онъ отпустилъ ей еще вина на три франка. Она стала говорить возмутительныя рѣчи, и ее пришлось удалить... На основаніи этихъ данныхъ, 9 апрѣля состоялся первый тайный допросъ Екатерины Клеръ. Вопросъ: „Кто подстрекнулъ ее къ тѣмъ возмутительнымъ рѣчамъ, которыя она, по видимому, произносила 7 марта въ кафе на улицѣ Муфтаръ?“. Отвѣтъ: „Было около одиннадцати часовъ вечера, когда она направилась въ это кафе, чтобы освѣжиться послѣ проводовъ родственника и трехъ друзей, которые отправлялись заграницу; а къ тому же, что никакихъ рѣчей она не произносила“.—„Почему же, если она не держала подобныхъ рѣчей, оказалась она подвергнутой

заключенію подъ стражу, въ коемъ находится и по сей день?“ спрашиваетъ умный судья. Тутъ Екатерина Клеръ разсказываетъ, какъ за ней слѣдилъ Бюньо, какъ она попала въ мышеловку, которую онъ ей подстроилъ; признала записанныя въ кордегардіи ея слова и объяснила, что говорила она это „безъ злобы противъ народа“... А въ заключеніе,—что она „несчастная прислуга, что она не понимаетъ всѣхъ этихъ вещей и даже не слышала о нихъ никогда у господъ, у которыхъ служила“... Но ни объясненія Екатерины Клеръ, ни доказанное состояніе ея опьяненія не помогли этому бѣдному существу. Фукье составилъ обвинительный актъ. 18 апрѣля она предстала передъ судомъ.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были поставлены вопросы въ слѣдующей редакціи: 1) „Доказано ли, что противореволюціонныя рѣчи, возбуждающія къ роспуску конвента и избіенію его членовъ, къ уничтоженію республики и возстановленію королевской власти во Франціи, были произносимы публично въ различныхъ кафе этого города и, между прочимъ, въ ночь съ 7 на 8 марта въ кордегардіи секціи санкюлоттовъ?“.

2) „Виновна ли Екатерина Клеръ въ учиненіи этого дѣянія?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта на оба вопроса Екатерина Клеръ была присуждена къ смертной казни и конфискаціи ея имущества въ пользу республики.

Дѣло это было небольшое, но въ то время еще необычное извѣстіе о томъ, что къ лишенію жизни приговорена женщина изъ народа за слова, сказанныя ею въ пьяномъ видѣ и при обстановкѣ, исключавшей какое бы то ни было дальнѣйшее ихъ значеніе,—все это вызывало волненіе; и на слѣдующій день это волненіе нашло себѣ откликъ въ стѣнахъ самого конвента. 19 апрѣля Мазюйе говоритъ съ трибуны: „Въ этотъ моментъ приготовляютъ казнь женщины, которая произносила противогражданственныя сужденія. Эта женщина не была въ состояніи вмѣняемости, когда держала свою рѣчь. Говорятъ, что она была пьяна. Я требую отсрочки казни ея“.—Одинъ изъ депутатовъ (Изнаръ) пожелалъ при-

дать вопросу большее, принципіальное значеніе: „Судъ, сказалъ онъ, примѣнилъ законъ; но законъ недостаточно точенъ, онъ слишкомъ общій“... Завязались пренія. Робеспьеръ младшій и другіе отвѣчали, притомъ такъ, что тѣ, которые подняли вопросъ, стали чувствовать, что они взяли и для нихъ самихъ опасный тонъ... „Конвентъ перешелъ къ порядку дня“, заключилъ правительственный органъ (Монитеръ) въ своемъ отчетѣ. Въ этотъ моментъ, вѣроятно, Екатерины Клеръ не было уже въ живыхъ... По крайней мѣрѣ, изъ описанія въ газетѣ „Революціи Парижа“ (XVI, 167) видно, что конвенту доложили о казни этой женщины, послѣ чего онъ и перешелъ къ порядку дня. Журналистъ эпохи не скрылъ изумленія, которое вызвалъ въ народѣ этотъ приговоръ. Онъ изумляетъ и насъ, и если мы остановились на этомъ дѣлѣ, то только затѣмъ, чтобы отмѣтить, съ какою непостижимою легкостью совершенно маленькихъ и безотвѣтныхъ людей, коихъ дѣяніе по существу совершенно ничтожно, привязывали, такъ сказать, къ государственнымъ преступленіямъ, дѣлали изъ нихъ измѣнниковъ народу и отечеству, опаснѣйшихъ для жизни государства людей. Въ титаническихъ страстяхъ эпохи судъ революціоннаго трибунала былъ какъ бы чрезвычайно сильнымъ увеличительнымъ стекломъ: подъ взглядомъ этихъ судей, въ примѣненіи ихъ грозныхъ законовъ, маленькій человѣкъ всегда и неизмѣнно вырастаетъ до какихъ-то рѣзкихъ и совершенно чуждыхъ ему очертаній, идетъ на казнь, какъ нарушитель какихъ-то основныхъ принциповъ политическаго бытія. Такъ было съ Екатериной Клеръ. Точно такъ же въ эти же самые первые дни трибунала было и съ цѣлымъ рядомъ весьма малыхъ людей, пошедшихъ на смерть за слова, сказанныя въ пьяномъ видѣ, за брошюры очень невиннаго содержанія. Но были и болѣе крупныя дѣла („Бретонскій заговоръ“); наконецъ, 24 апрѣля первый, дѣйствительно громкій процессъ: Маратъ.

Уже давно этотъ „Другъ Народа“ въ статьяхъ своего журнала принялъ чрезвычайно мстительный и кровожадный тонъ.

Но этотъ тонъ билъ, очевидно, въ унисонъ со многими сердцами. такъ какъ для толпы и для цѣлой партіи въ Конвентѣ Маратъ былъ лучшій защитникъ народа, великій печальникъ страданій его. Однако, большинство Конвента, въ тѣ дни еще жирондистское, роптало противъ зловѣщаго публициста; наконецъ, незначительнымъ большинствомъ этой партіи удалось получить декретъ о преданіи его суду за призывы къ убійству и грабежамъ, къ уничтоженію Конвента, помѣщенные въ цѣломъ рядѣ бурныхъ статей его газеты. Жиронда не понимала, какой это былъ серьезный ходъ въ политической игрѣ; она не видѣла того, что, какъ бы тамъ ни было, но судить Марата за контръ-революціонныя якобы дѣянія въ революціонномъ трибуналѣ — нонсенсъ, и что оправданіе Марата должно явиться такой побѣдой Монтаньяровъ, послѣ которой вопросъ о самомъ существованіи жиронды станетъ ребромъ. Такъ и случилось. Маратъ явился на судъ, по словамъ его, не какъ обвиняемый, а какъ апостолъ и мученикъ свободы; какъ жертва группы заговорщиковъ и интригановъ, голосовавшихъ декретъ противъ него. При постоянныхъ рукоплесканіяхъ публики трибунъ, онъ меньше защищается, чѣмъ обвиняетъ жирондистовъ; въ концѣ-концовъ, его оправдываютъ единогласно [1]), и засѣданіе превращается въ апофеозъ, Марата вѣнчаютъ дубовымъ вѣнкомъ. Въ заключеніе онъ обращается къ судьямъ: „Граждане, въ вашихъ рукахъ судьба преступниковъ, оскорбляющихъ націю; защищайте невинныхъ и карайте виновныхъ, и отечество спасено“.—Съ великимъ тріумфомъ Марата на рукахъ несутъ въ Конвентъ, и здѣсь снова ему устраиваютъ овацію трибуны.

Жиронда проиграла свою игру, свою послѣднюю ставку; Маратъ выросъ въ страшную политическую силу; еще два мѣсяца онъ диктовалъ, предписывалъ, сгубилъ жиронду (31 мая и 2 іюня).— Черезъ два мѣсяца—ножъ Шарлотты Кордэ.

---

[1]) Одинъ изъ присяжныхъ произноситъ настоящую апологію Марата.

Что такое Шарлотта Кордэ? Вопросъ плѣнительный и трудный; плѣнительный, ибо, какъ бы мы ни подошли къ этой дѣвушкѣ— все въ ней чисто, благородно и умно; трудный—потому, что въ ней многое загадочно, и та безконечная сила, съ которой взорвалась ея ненависть къ Марату, полное самопожертвованіе въ 25 лѣтъ, прямолинейность, отсутствіе всякихъ смятеній и смущеній какъ то не умѣщаются въ рамкахъ нашихъ представленій о характерѣ провинціальной дѣвушки, особенно въ тѣ дни. Лѣтомъ 1793 года она пріѣзжаетъ въ Парижъ изъ Нормандіи г. Канъ, гдѣ въ то время—и это очень важно—собрались, послѣ проскрипцій и обвинительнаго декрета Конвента, нѣсколько жирондистскихъ депутатовъ; здѣсь была ихъ штабъ-квартира, отсюда нормандская молодежь собиралась къ выступленію, къ открытому походу на Парижъ для того, чтобы освободить этотъ грѣховный городъ отъ Марата, Робеспьера и прочихъ монтаньяровъ и террористовъ, чтобы утвердить въ немъ благородную республику истинныхъ патріотовъ и прекратить междуусобную войну. И среди этого возбужденія, среди этой пропаганды Шарлотта вдругъ загорается рѣшеніемъ сдѣлать больше и скорѣе, чѣмъ всѣ эти люди вмѣстѣ, зайти впередъ этому движенію, самой нанести первый и рѣшительный ударъ. „Скажите генералу Вимпфену (онъ долженъ былъ вести войска жиронды на Парижъ) скажите, что я, мнѣ кажется, помогла ему выиграть болѣе одной битвы, облегчая ему миръ“ — это послѣднія слова ея изъ письма къ другу депутату, оставшемуся въ г. Канъ. Наряду съ этимъ энтузіазмомъ, прекрасный, римскій характеръ; мечты, навѣянныя республиканскимъ Римомъ — доблесть, отечество, за которое нужно отдать все; позоръ тому времени, когда женщина должна идти впереди всѣхъ; при всемъ томъ, никакой религіозной окраски: одинъ алтарь—алтарь свободы и отечества—республики. „Я прошу тѣхъ, кто сталъ бы меня жалѣть, подумать о томъ, что горячее воображеніе и чувствительное сердце предвѣщаютъ бурную жизнь; и они будутъ радоваться, видя, какъ

я наслаждаюсь покоемъ въ Елисейскихъ поляхъ, съ Брутомъ и нѣсколькими древними". И это искренне. Чувствуется, что она сошла какъ бы съ античной геммы: горячее воображеніе и сердце остаются въ умномъ, но слегка холодномъ контурѣ удивительной чистоты.

Картина ея преступленія такъ извѣстна и проста. Тайно пріѣхавши въ Парижъ, она проводитъ одиноко въ маленькой гостинницѣ три дня, лелѣя только одну мысль—увидать, настичь кровожаднаго трибуна, освободить Францію, спасти страну. Наконецъ, послѣ неудачныхъ попытокъ, ей удается быть принятой Маратомъ, когда онъ въ ваннѣ пишетъ свой журналъ. Шарлотта заявляетъ ему, что она изъ г. Канъ, что она можетъ сообщить имена скрывавшихся тамъ депутатовъ. „Хорошо, черезъ недѣлю они будутъ гильотинированы", говоритъ Маратъ. „Эти слова рѣшили дѣло", пишетъ потомъ Шарлотта Кордэ въ своемъ знаменитомъ письмѣ. Тутъ-же она наноситъ Марату страшную рану въ грудь ножомъ, купленнымъ въ тотъ день. Маратъ едва успѣлъ позвать на помощь и умеръ, истекая кровью, черезъ нѣсколько минутъ. Затѣмъ, съ 7 до 11 часовъ вечера, въ залитой кровью квартирѣ публициста, идутъ допросы Кордэ; а въ это время толпа собирается и гудитъ внизу на улицѣ и требуетъ смерти этой „аристократки". Говорятъ, эти крики и брань были такъ ужасны, что Шарлотта Кордэ, до той минуты совершенно спокойная и улыбающаяся, потеряла сознаніе, когда ее, при свѣтѣ факеловъ, вывели на улицу.

Убійство произвело колоссальное впечатлѣніе. Фукье почувствовалъ, что наконецъ-то передъ нимъ, передъ революціоннымъ трибуналомъ обвиняемая высокаго полета; на слѣдующій же день онъ уже былъ у министра юстиціи по этому дѣлу; мало того, онъ пишетъ и въ департаментъ полиціи, прося ускорить передачу ему всѣхъ документовъ; „если бы, говоритъ онъ, вы могли передать мнѣ протоколы и всѣ бумаги, касающіеся этого несчастнаго дѣла, съ утра, то на завтра же оно было бы назначено". Несмотря на

эту торопливость, дѣло было заслушано только въ среду 17 іюля—черезъ четыре дня послѣ убійства. Наканунѣ предсѣдатель революціоннаго трибунала, Монтанэ, произвелъ предварительный допросъ обвиняемой; она признала, что пріѣхала въ Парижъ съ единственной цѣлью убить Марата; что къ этой мысли ее привели его преступленія; что она обвиняетъ Марата въ опустошеніи всей Франціи и въ возбужденіи междуусобной войны во всей странѣ.—Главный же интересъ проявлялъ предсѣдатель къ тому, чтобы выяснить, не было ли у нея сообщниковъ. Трижды Шарлотта Кордэ заявляетъ, что никто никогда не зналъ о ея рѣшеніи, и что самое предположеніе о наличности у нея сообщниковъ доказываетъ лишь плохое знаніе сердца человѣческаго. „Легче, говоритъ она, привести такое намѣреніе въ исполненіе изъ-за личнаго гнѣва, чѣмъ изъ-за гнѣва другихъ“. Ее спросили,—сакраментальный вопросъ—имѣетъ ли она защитника; она назвала Дульсе, депутата въ Конвентѣ. На слѣдующій день начался процессъ. Дульсе не явился въ засѣданіе—ему не доставили извѣщенія. Предсѣдатель предложилъ взять на себя защиту Шарлотты Шаво-Лагарду, который случайно находился въ этотъ моментъ въ залѣ. Онъ согласился. Кордэ бросила на него безпокойный взглядъ; она боялась, видимо, писалъ Шаво, что онъ будетъ защищать ее какимъ нибудь способомъ, отъ котораго она сама бы, несомнѣнно, отказалась. Дѣло началось. Обвинительный актъ, равно какъ и свидѣтельскія показанія передавали только картину убійства, ясную и для всѣхъ несомнѣнную. Обвиняемая, послѣ каждаго показанія, говорила: это вѣрно, это такъ было.—„Что побудило васъ совершить это убійство?“—„Его преступленія и несчастія, которыя онъ причинилъ во время революціи“.—„Кто васъ подстрекнулъ?“—„Никто, я сама“. Вотъ главный мотивъ, главная тема всего допроса. Когда перешли къ вещественнымъ доказательствамъ, и судебный приставъ предъявилъ ей ножъ, она отвернулась и, отстраняя его рукой, воскликнула: „да, я узнаю его, я узнаю“. А вслѣдъ за этимъ предсѣда-

тель началъ спрашивать, не практиковалась ли она передъ тѣмъ, какъ нанести ударъ Марату, такъ какъ если бы ударъ этотъ нанесенъ былъ горизонтально, то рана не могла бы быть смертельною. Шарлотта отвѣтила: „Я ударила, какъ пришлось, это былъ случай". Фукье обратилъ вниманіе на это замѣчаніе, прибавивъ: „Видимо, вы много упражнялись въ подобныхъ преступленіяхъ."—„Чудовище, восклицаетъ Кордэ, онъ принимаетъ меня за убійцу". Здѣсь, говоритъ бюллетень революціоннаго трибунала, обвиняемая проявляетъ сильное душевное волненіе. На этомъ отвѣтѣ, какъ бы послѣ громового удара, закрылось засѣданіе,—пишетъ Шаво Лагардъ. Послѣ перерыва оглашены два письма, написанныя Шарлоттою Кордэ въ тюрьмѣ: одно къ депутату Барбару, другое къ ея отцу. Это послѣднее является удивительною страницей, въ которой вылилась ея прекрасная душа. Мы не можемъ не привести его здѣсь. „Простите мнѣ, мой милый, что я распорядилась моимъ существованіемъ безъ позволенія вашего: я отмстила за много невинныхъ жертвъ, предупредила много другихъ несчастій. Народъ, когда-нибудь опомнившись, возрадуется освобожденію оть тирана. Если я думала убѣдить Васъ, что ѣду въ Англію, то это потому, что я думала сохранить инкогнито, но я увидѣла, что это невозможно. Надѣюсь, что васъ не станутъ безпокоить; во всякомъ случаѣ, у васъ найдутся защитники въ Канъ. Я же взяла защитникомъ Густава Дульсе; такое преступленіе не допускаетъ никакой защиты; это—для формы; прощайте, я прошу забыть меня или лучше радоваться моей судьбѣ—прекрасно дѣло мое. Не забудьте стиха Корнеля: преступленіе причиняетъ позоръ, но никогда не эшафотъ".

На оглашеніи этихъ писемъ закончилось судебное слѣдствіе; общественный обвинитель въ рѣчи своей резюмировалъ его.—Есть нѣкоторыя указанія на то, что образъ удивительной дѣвушки плѣнилъ кого-то изъ судей или изъ присяжныхъ засѣдателей. По крайней мѣрѣ, Шаво разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что,

во время рѣчи прокурора предсѣдатель далъ знать защитнику, чтобы онъ настаивалъ на безуміи. Присяжные же, напротивъ, просили его не распространяться. „Когда я всталъ, чтобы говорить, читаемъ мы въ мемуарахъ Шаво, въ публикѣ послышался глухой и смутный шумъ, а потомъ, если можно такъ выразиться, настало какъ бы мертвенное молчаніе, которое леденило меня до мозга костей". Рѣчь Шаво свелась къ одному простому обращенію къ присяжнымъ. Вотъ ея полный текстъ: „Обвиняемая признаетъ со страшнымъ хладнокровіемъ учиненное ею дѣяніе, она съ хладнокровіемъ признаетъ и то, что оно задолго было ею умышлено, она признаетъ самыя ужасныя его подробности; однимъ словомъ, она признаетъ все и не ищетъ даже себѣ оправданія. Вотъ, граждане присяжные, ея защита во всей полнотѣ ея. Это невозмутимое спокойствіе и полное самоотреченіе, которыя не свидѣтельствуютъ ни о какихъ угрызеніяхъ, даже и предъ самимъ лицомъ смерти, это спокойствіе и самоотреченіе, великолѣпное въ нѣкоторомъ отношеніи, не имѣютъ общаго съ природою. Они могутъ объясняться только экзальтаціей политическаго фанатизма, который вложилъ кинжалъ въ руки ея. И вамъ, граждане присяжные, надлежитъ имѣть сужденіе о вѣсѣ этого нравственнаго соображенія на вѣсахъ вашей справедливости. Я обращаюсь къ вашей осторожности". —По мѣрѣ того, какъ защитникъ говорилъ эти слова, обвиняемая, видимо, успокаивалась, и лицо ея принимало обычное, невозмутимое выраженіе.

Предсѣдатель резюмировалъ дѣло и поставилъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросы въ слѣдующей редакціи:

1) Доказано ли, что 12 сего іюля, между семью и восемью часами вечера, Жанъ-Поль Маратъ, депутатъ въ національномъ конвентѣ, былъ лишенъ жизни у себя на дому, въ ваннѣ, ударомъ ножа въ грудь, отъ какового удара тотчасъ же и умеръ?

2) Учинено ли это убійство Маріей-Анною-Шарлоттою Кордэ, прежде Дорманъ, 25 лѣтъ, жив. въ г. Канъ?

3) Совершила ли она сіе съ преступнымъ намѣреніемъ и предумышленно?

Отвѣты присяжныхъ были единогласны и утвердительны на всѣ три вопроса. Въ тотъ же день, къ вечеру, во время страшной грозы, Кордэ была казнена.

Этотъ процессъ, столько разъ описанный, доказываетъ намъ, что въ первое время дѣятельности революціоннаго трибунала все-таки соблюдались нѣкоторые формы и обряды, введенные въ уголовный процессъ великими реформаторами первой эпохи революціи: подсудимая была поставлена въ условія, приблизительно нормальныя. Несомнѣнно, что такихъ отступленій отъ элементарной справедливости, отъ которыхъ цѣпенѣло бы сознаніе, при сужденіи Шарлотты Кордэ учинено не было. При наличности вполнѣ опредѣленнаго дѣянія, въ которомъ подсудимая и не пыталась оправдываться, нѣтъ никакого основанія полагать, что дѣло ея могло кончиться инымъ приговоромъ. Обликъ Шарлотты Кордэ навсегда останется въ памяти человѣчества; но ко всѣмъ ея доблестямъ и страданіямъ нельзя еще прибавить и вѣнца жертвы произвола и безправія. Съ этой точки зрѣнія темная Екатерина Клеръ, жертва политической игры, въ которой она не была ставкою, быть можетъ, имѣетъ не менѣе правъ на умиленное воспоминаніе будущихъ поколѣній, чѣмъ удивительная дѣвушка, прославившая имя свое силою своего желанія и рѣшимости.

Въ связи съ этимъ важно отмѣтить также и то обстоятельство, что въ вопросѣ о виновности Шарлотты Кордэ съ точностью описано то конкретное фактическое дѣяніе, которое ей вмѣнялось въ вину; изученіе же исторіи трибунала приводитъ къ выводу, что постановка вопросовъ въ такой правильной формѣ составляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Трибуналъ усвоилъ себѣ въ его дальнѣйшей дѣятельности совершенно другую систему постановки вопросовъ, и именно она является, по нашему мнѣнію, наиболѣе глубокой причиной послѣдующаго неправосудія. На этомъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе. Какъ извѣстно, при учрежденіи присяжныхъ засѣдателей во Франціи, законодатели признали необходимымъ совершенно отдѣлить ихъ

функціи отъ функцій коронныхъ судей, и въ самый текстъ конституціоннаго акта 1791 года было включено правило о томъ, что „присяжные будутъ устанавливать факты, а судьи—примѣнять къ нимъ законъ“. Это правило, какъ мы видѣли, вошло и въ текстъ закона 10 марта 1793 года объ учрежденіи революціоннаго трибунала (ст. 2); оно же вводится засимъ и въ конституціонный актъ 1793 года (ст. 96 и 97), съ тою лишь разницею, что на присяжныхъ здѣсь возлагается обязанность устанавливать не только „фактъ“, но и „намѣренія“ подсудимаго. Болѣе подробно вопросъ о томъ, что́ и какъ должны были обсуждать и рѣшать присяжные засѣдатели, былъ разработанъ въ особой инструкціи для присяжныхъ засѣдателей, приложенной къ декрету 16—29 сентября 1791 года объ учрежденіи присяжныхъ засѣдателей [1]). Въ связи съ этимъ, юридическая мысль 1791—92 года выработала любопытную систему постановки на разрѣшеніе присяжныхъ цѣлаго ряда вопросовъ, которые сводились къ двумъ главнымъ типамъ. Первый рядъ вопросовъ долженъ былъ касаться „матеріальной доказанности“ факта, а второй—„моральной стороны“ его (materialité и moralité). Къ первымъ относилось: „доказано ли такое-то событіе?“, „учинено-ли оно подсудимымъ?“ Ко вторымъ: „учинено ли оно намѣренно“? „Дѣйствовалъ ли обвиняемый предумышленно?“ и т. д. [2]).

Въ революціонномъ трибуналѣ примѣнялись, какъ уже указано, правила судопроизводства, совпадающія въ общихъ чертахъ съ тѣми, которыя были установлены для уголовныхъ судовъ съ присяжными по закону 1791 года. Но на первыхъ же порахъ его дѣятельности здѣсь было признано допустимымъ ставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда направленіе преступныхъ намѣреній

---

[1]) Эта инструкція является первообразомъ 754 ст. у. у. с. (Спасовичъ, VII, 77; Фойницкій II, 472) и всѣхъ послѣдующихъ затрудненій нашей практики.

[2]) Эта система дробленія подвергалась впослѣдствіи значительнымъ измѣненіямъ и нынѣ отброшена (338 ст. фр. у. у. с.).

подсудимаго казалось сомнительнымъ, на разрѣшеніе присяжныхъ вопросъ о томъ, не учинено-ли судимое дѣяніе съ „противорево люціонными намѣреніями“. Дѣйствительно, только при признаніи наличности сего намѣренія, подсудимый могъ считаться преступникомъ политическимъ, подлежащимъ вѣдѣнію революціоннаго судилища. Нельзя не признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ постановка такого вопроса могла имѣть огромное значеніе для обвиняемыхъ. Такъ, въ дѣлѣ Екатерины Клеръ самая постановка его могла бы дать выходъ присяжнымъ и спасти подсудимую. Однако, вопросъ этотъ ставился предсѣдателемъ по его личному усмотрѣнію; мы не нашли нигдѣ правилъ, силою коихъ предсѣдатель революціоннаго трибунала обязанъ былъ бы ставить его во всѣхъ случаяхъ. Любопытно отмѣтить, между прочимъ, что по этому поводу именно въ дѣлѣ Шарлотты Кордэ произошелъ инцидентъ, давшій Фукье-Тенвилю основаніе немедленно донести Конвенту объ измѣнѣ и подлогѣ предсѣдателя, вслѣдствіе чего послѣдній тотчасъ же былъ смѣщенъ и арестованъ. Дѣло въ томъ, что первоначально предсѣдатель написалъ текстъ третьяго вопроса слѣдующимъ образомъ: „совершила ли она означенное дѣяніе предумышленно и съ преступными и противореволюціонными намѣреніями“? Но, какъ оказалось, самъ предсѣдатель зачеркнулъ потомъ эти слова и поставилъ на ихъ мѣсто: „съ преступнымъ намѣреніемъ и предумышленно“. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ хотѣлъ дать присяжнымъ возможность, путемъ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, смягчить участь обвиняемой; было бы неестественно, дѣйствительно, ожидать, что они отвергнутъ наличность противореволюціоннаго намѣренія у Шарлотты Кордэ. Съ этимъ сходится и приведенное нами уже замѣчаніе Шаво-Лагарда о просьбѣ предсѣдателя построить защиту Кордэ на ея невмѣняемости. Какъ бы то ни было, несомнѣнно,—и это для насъ самое важное,—что вопросы по этому дѣлу были поставлены такъ, какъ того требовали правила 1791 года для общихъ уголовныхъ судовъ.

Но черезъ нѣкоторое время революціонному трибуналу при-

шлось судить уже чисто политическіе процессы со значительнымъ числомъ обвиняемыхъ, пришлось примѣнять особенно часто законы, установленные во огражденіе государственнаго спокойствія отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ [1]).

Въ этихъ условіяхъ, на первое мѣсто стали выдѣлять не вопросъ о совершеніи опредѣленныхъ преступныхъ дѣяній и объ учиненіи ихъ данными лицами, а вопросъ о существованіи нѣкоего заговора, направленнаго противъ неприкосновенности Конвента и его членовъ, имѣющаго цѣлью возстановить во Франціи королевскій образъ правленія и т. п. Редакція этого вопроса почти всегда стереотипная; отличительные признаки дѣятельности и цѣли сообщества, члены котораго въ данномъ случаѣ судятся, вводятся чрезвычайно рѣдко [2]). Затѣмъ всѣ слѣдующіе вопросы касаются

[1]) Отмѣтимъ слѣдующіе законы: „Всякіе конспираціи и заговоры направленные къ возмущенію государственнаго спокойствія, путемъ междоусобной войны, вооруженія гражданъ другъ противъ друга или противъ законной власти, караются смертью“. (К. П. 2, 2, 1, 1)

Декретъ Конвента отъ 4 сентября 1792 г.: „Всякій, кто будетъ предлагать или пытаться возстановить во Франціи королевскую власть или иную форму правленія, несовмѣстимую съ верховенствомъ народа, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, карается смертною казнью“ (ст 1).

Законъ 16 декабря 1792 г.: „Всякій, кто предложитъ или попытается нарушить единство французской республики или отторгнуть входящія въ ея составъ части, для присоединенія ихъ къ иностранной территоріи, будетъ наказанъ смертью“ (ст. 5).

Законъ 27 марта 1793 года: „Всякій, кто будетъ изобличенъ въ напечатаніи или составленіи произведеній, возбуждающихъ къ возстановленію королевской власти или роспуску національнаго собранія, карается смертной казнью“.

При обвиненіи въ сношеніи съ внѣшними врагами страны и преступныхъ дѣйствіяхъ въ ихъ пользу, примѣнялся законъ, нынѣ составляющій 77 ст. К П. и карающій смертною казнью.

[2]) Ср. вопросъ, поставленный по дѣлу генеральныхъ фермеровъ (откупщиковъ)· доказано-ли, что существовалъ заговоръ, направленный противъ французскаго народа, имѣвшій цѣлью облегчить разными способами успѣхъ внѣшнихъ враговъ Франціи, а именно, путемъ подмѣшиванія къ табаку воды и другихъ составныхъ частей, вредныхъ для здоровья лицъ, его употребляющихъ.....

въ каждомъ дѣлѣ всѣхъ отдѣльныхъ подсудимыхъ, причемъ въ вопросахъ этихъ говорится только: является ли такой то однимъ изъ зачинщиковъ или участниковъ этого заговора? Никакихъ фактическихъ обстоятельствъ виновности каждаго отдѣльнаго лица, обстоятельствъ учиненнаго именно этимъ лицомъ дѣянія въ этихъ вопросахъ не приводится, и такимъ образомъ, понятію существованія сообщества или заговора, которое внѣ конкретныхъ дѣйствій составляющихъ его лицъ не имѣетъ вообще никакого значенія, приписывается вполнѣ реальное и какъ бы личное бытіе; а въ то же время предполагаемые живые участники и заговорщики отходятъ на второй планъ и обезличиваются. Обезличиваются настолько, что даже и вопросъ о „намѣреніи“ ихъ болѣе не ставится; и въ самомъ дѣлѣ, къ чему выяснять намѣренія отдѣльныхъ лицъ, когда и эти намѣренія такъ же, какъ и все остальное, описано въ вопросѣ о существованіи этого длиннаго, никогда не прекращающагося заговора?

Такимъ способомъ сотни лицъ были присуждены къ смертной казни, сотни лицъ, быть можетъ, никогда не только не сговаривавшихся учинить какое-нибудь политическое преступленіе, но, вѣрнѣе всего, никогда до суда другъ съ другомъ не встрѣчавшихся.—Всѣ они привязываются къ какому-то, гдѣ-то абстрактно существующему заговору, безъ всякаго объясненія, въ чемъ же собственно проявлялась ихъ дѣятельность въ качествѣ заговорщиковъ, или какими способами приводили они ее въ осуществленіе, каковы были ихъ намѣренія.

Передъ этимъ безконечнымъ заговоромъ, всѣ они не только обезличиваются, они всѣ окончательно нивеллируются и становятся равноцѣнными и равно-опасными преступниками. Въ одномъ и томъ же дѣяніи являются виновными и совершенно темные люди, и Марія Антуанетта, и госпожа Роланъ, и старые магистраты древнихъ парламентовъ Тулузы и Парижа, и, наконецъ, Дантонъ. Когда читаешь подобные приговоры, которые хочется назвать нѣмыми, такъ какъ въ

нихъ не видно объясненія, за что же именно осужденъ обвиняемый,—начинаешь понимать и цѣнить великое значеніе принципа, установленнаго въ 760 ст. У. У. С...

Шарлотта Кордэ предвозвѣщаетъ начало „большихъ дней“ трибунала. Августъ и сентябрь 1793 г.—эпоха замѣтнаго его развитія, значительнаго расширенія личнаго состава, значительнаго расширенія круга его жертвъ. Между ними появляются новыя: генералы армій республики. Присяжные въ томительныхъ засѣданіяхъ разбираются въ едва ли понятныхъ имъ стратегическихъ пріемахъ и фортификаціонныхъ мудростяхъ: они рѣшаютъ, были ли преступныя намѣренія, была ли умышленная измѣна отечеству у тѣхъ самыхъ военачальниковъ, которые еще недолго передъ тѣмъ пользовались огромною популярностью.

Одинъ изъ этихъ процессовъ (генерала Кюстина) былъ весьма продолжителенъ: Фукье-Тэнвилю и предсѣдателю суда пришлось спеціально оправдываться передъ Конвентомъ въ ихъ медлительности. Въ результатѣ Кюстинъ былъ осужденъ на казнь, за нимъ послѣдовали и другіе (Мящинскій, Миранда и т. д.).

Наряду съ ними люди всѣхъ сортовъ, всѣхъ классовъ и состояній проходятъ передъ трибуналомъ въ видѣ безконечной вереницы участниковъ того фиктивнаго заговора, о которомъ мы сказали уже нѣсколько словъ. А заговорщиковъ къ этому времени можно уже было дѣйствительно найти, сколько угодно: тюрьмы Парижа были переполнены лицами, которыя получили въ тѣ дни офиціальное названіе „подозрительныхъ“. Ибо, согласно закону 17 сентября 1793 г., всѣ лица подозрительныя подлежали заключенію подъ стражу, а подозрительными считались тѣ, которымъ мѣстные комитеты (учрежденные закономъ 21 марта) отказывали въ выдачѣ свидѣтельствъ о благонадежности (ст. 3 главы II). Но такъ какъ условія выдачи этихъ свидѣтельствъ никакими узаконеніями предусмотрѣны не были, и каждый случай подлежалъ свободному обсужденію комитетовъ, то ясно, какое ужасное и про-

извольное орудіе было дано людямъ власти, людямъ террора. Что это такъ, видно, напримѣръ, изъ дополнительныхъ постановленій, изданныхъ въ разъясненіе закона 17 сентября Парижскою коммуною (10 октября). Согласно имъ, являлись подозрительными: 1) тѣ, которые въ собраніяхъ народа останавливаютъ его энергію соблазнительными рѣчами, возмутительными криками и ропотомъ; 2) тѣ, болѣе осторожные, которые таинственно говорятъ о несчастіяхъ республики, скорбятъ о судьбѣ народа и всегда готовы распространять дурныя извѣстія съ аффектированною скорбью...; 3) тѣ, которые, не сдѣлавъ ничего противъ свободы, *не сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ ничего и для нея*.—Таковы элементы, которыми опредѣлялось понятіе подозрительной личности; вотъ категоріи, чрезмѣрно общія, принадлежность къ которымъ влекла за собою лишеніе свободы; разумѣется, отъ „подозрительнаго“ до „заговорщика“, отъ тюрьмы до гильотины — одинъ шагъ; при такихъ общественныхъ настроеніяхъ и юридическихъ принципахъ съ ужасною быстротою наполняются тюрьмы республики, воцаряется терроръ; Фукье подымается и растетъ.

Ему пріуготовлена царственная жертва. Марія-Антуанетта, бывшая королева Франціи, дочь Маріи-Терезіи, эрцгерцогиня Австріи, родомъ изъ Лотарингіи, а нынѣ съ 21 января, волею конвента, просто лишь вдова Людовика Капета, ждетъ суда.

„Пусть нарисуетъ себѣ, кто можетъ, картину того, что происходитъ внутри Тампля“, писалъ одинъ журналистъ въ день казни короля. Но теперь мы знаемъ, и подробно, все, что происходило въ башнѣ Тампля, какъ въ самый день 21 января, такъ и въ теченіе всѣхъ восьми мѣсяцевъ вдовства Маріи-Антуанетты.

Исторія заточенія королевы и процессъ ея (16 октября) уже много разъ описаны; правда, осталось еще много спорнаго и таинственнаго въ деталяхъ, но въ главныхъ чертахъ достаточно установлено, какъ подготовлялся, начался и велся ея процессъ.— И, когда передъ нами раскрыты всѣ протоколы безконечныхъ допросовъ, всѣ свидѣтельскія показанія, мы можемъ высказать свое

убѣжденіе, что виновность Маріи-Антуанетты передъ судомъ не была доказана.—Къ несчастью для обвиняемой, этотъ процессъ фатально сдѣлался не процессомъ отдѣльной личности, а процессомъ цѣлаго отдѣла исторіи Франціи, того періода, когда старый порядокъ велъ ожесточенную борьбу за свое сохраненіе. Въ резюмэ предсѣдатель суда (Германъ) сказалъ дословно: „Если бы желали имѣть изустное доказательство всѣхъ фактовъ, надо было бы, чтобы подсудимая предстала передъ всѣмъ народомъ Франціи", или: „это французскій народъ обвиняетъ Антуанетту; всѣ политическія событія, которыя имѣли мѣсто за послѣднія пять лѣтъ, свидѣтельствуютъ противъ нея". Слѣдовательно, безъ всякихъ прикрасъ устанавливается, что, наряду съ правдою судебною, въ этомъ дѣлѣ есть и правда чувства и гнѣва народнаго, т. е. именно та правда, которая могла проявиться, какъ угодно, но только не черезъ судъ. А для суда, фактически, никакого „дѣла" Маріи-Антуанетты не было, никакого спеціальнаго ея преступленія не доказано и даже не доказывается. Длиннѣйшій обвинительный актъ, написанный самимъ Фукье въ чрезвычайно витіеватыхъ и широковѣщательныхъ выраженіяхъ, начинается съ утвержденія, что „подобно Мессалинамъ, Брунегильдамъ, Фредегондамъ и Медичи, коихъ нѣкогда именовали королевами Франціи, и коихъ ненавистныя имена никогда не изгладятся со скрижалей исторіи, Марія Антуанетта, вдова Людовика Капета, была во время ея пребыванія во Франціи бичомъ и піявкой французовъ"... и затѣмъ излагается въ сущности вся исторія революціоннаго движенія, Маріи Антуанеттѣ приписывается свободоубійственная роль въ дни 5 и 6 октября, во время избіенія на Марсовомъ полѣ (17 іюля 1791), по случаю вето короля на нѣсколькихъ декретахъ, въ день десятаго августа и т. д. и т. д.

На судѣ въ теченіе двухъ дней процесса допрашиваются 37 свидѣтелей,—допрашиваются преимущественно лакеи изъ Версаля, горничныя, стража, жандармы, портнихи. Нѣкоторыя показанія совершенно удивительны: одна горничная (Ренъ Мильо)

разсказываетъ, какъ она однажды въ 1788 году спросила графа Коиньи, „когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа“, долго ли еще императоръ австрійскій будетъ воевать съ Турціей; вѣдь это стоитъ Франціи около 200 милліоновъ. — „Ты не ошибаешься, это стоитъ уже столько, будетъ стоить еще болѣе“, отвѣтилъ ей графъ. — Вотъ одно изъ главныхъ доказательствъ, что Марія-Антуанетта переводила деньги въ неисчислимомъ количествѣ своему брату въ Австрію. Нѣкій Жанъ Дабенетъ, абсолютно темный редакторъ „Чертова Журнала“ (№ 11), утверждаетъ, что онъ „совершенно согласенъ съ большимъ числомъ фактовъ, заключающихся въ обвинительномъ актѣ“; онъ добавляетъ, что „три субъекта однажды пришли убить его отъ имени обвиняемой“.—На этомъ краснорѣчивое показаніе заканчивается. И такихъ показаній много, ужасно много,—чувствуется, что всѣ пропорціи допустимыхъ доказательствъ подвергаются совершенному извращенію. А послѣ каждаго показанія предсѣдатель допрашиваетъ обвиняемую, допрашиваетъ грубо, какъ бы полосуетъ ее вопросами, разспрашиваетъ о чувствахъ, о привязанности къ революціи, о вліяніи на мужа; главнымъ же образомъ вопросы сводятся къ фактамъ, имѣвшимъ мѣсто послѣ заточенія Маріи-Антуанетты, за 10 мѣсяцевъ ея нахожденія въ башняхъ Тампля и въ Консьержери, которые, очевидно, не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ дѣяніямъ, за которыя могла отвѣчать бывшая королева Франціи передъ революціоннымъ судилищемъ; здѣсь фигурируютъ заговоры, направленные къ ея освобожденію (заговоръ барона Батца и такъ называемое „дѣло съ гвоздикой“). Этихъ заговоровъ мы не коснемся здѣсь. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что именно эти удивительныя попытки безумно преданныхъ людей толкнули королеву въ революціонный трибуналъ. Ибо все ея дѣло находилось на мертвой точкѣ, и обнаруженіе „заговора гвоздики“ прежде всего послужило поводомъ къ допросамъ, слѣдствію, къ административной перепискѣ; на этомъ заговорѣ дѣло королевы растетъ. Съ его открытія, Коммуна Парижа

прилагаетъ всѣ усилія, чтобы опутать королеву еще крѣпче, хотя бы цѣною печальной клеветы. Вскорѣ эта клевета нашлась. Люди Коммуны создали противъ королевы обвиненіе, за которое на ихъ памяти останется неизгладимый позоръ. — Отъ имени восьмилѣтняго дофина было написано 6 октября, т. е. за восемь дней до начала процесса, показаніе, въ которомъ онъ якобы признавалъ себя виновнымъ въ томъ дѣяніи, узнавши про которое древній Эдипъ отъ стыда и ужаса вырвалъ свои глаза. Фукье—Тенвиль воспользовался и этимъ матеріаломъ; послѣдній пунктъ обвинительнаго акта гласитъ: „что, наконецъ, вдова Капета, безнравственная во всѣхъ отношеніяхъ, и новая Агриппина, настолько извращена и привычна ко всѣмъ преступленіямъ, что, забывая свое свойство матери и грани, предписанныя законами природы, она не побоялась предаться съ Луи-Шарлемъ Капетомъ, по его признанію, безстыдствамъ, коихъ представленіе и именованіе заставляютъ трепетать отъ ужаса“.—Но если Фукье трепеталъ при этомъ, то только отъ радости; ибо на судъ, по его же ходатайству, было вызвано свидѣтелемъ одно изъ лицъ, снимавшихъ съ малолѣтняго дофина это показаніе. На судѣ свидѣтель распространяется объ этихъ обстоятельствахъ (Геберъ, редакторъ журнала Пэръ Дюшенъ; № 4). Черезъ нѣкоторое время послѣ показанія Гебера, одинъ изъ присяжныхъ — имя его неизвѣстно—обратился къ предсѣдателю съ просьбою напомнить обвиняемой, что она не отвѣтила еще на указаніе свидѣтеля Гебера о томъ, что происходило между нею и ея сыномъ. Памятенъ отвѣтъ Маріи Антуанетты на это ужасное заявленіе: „Если я не отвѣчала, то только потому, что природа отказывается отвѣчать на подобное обвиненіе, брошенное матери.— Я обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которыя могутъ находиться здѣсь“. — „Обвиняемая проявляетъ сильное волненіе“, говорится въ оффиціальномъ отчетѣ. Защитникъ Королевы и свидѣтели разсказывали, что этотъ отвѣтъ произвелъ чрезвычайное впечатлѣніе; обвиняемая подымается послѣ него на нравственную высоту,

съ которой уже не сходитъ болѣе. При заключеніи слѣдствія, на второй день процесса, она заявляетъ: „Вчера я не знала свидѣтелей, не знала, о чемъ они будутъ показывать. Но никто не привелъ противъ меня никакого положительнаго обстоятельства. — Я заканчиваю, замѣчая, что я была женой Людовика XVI и что, во всякомъ случаѣ, я должна была подчиняться волѣ его“.—Слово дано Фукье; онъ повторяетъ тѣ же широкія и общія обвиненія, о которыхъ говорилъ обвинительный актъ. Къ шести часамъ второго дня начались рѣчи защитниковъ. Изъ воспоминаній одного изъ нихъ (Шаво Лагарда) извѣстно, какъ ему прислали копію обвинительнаго акта на дачу утромъ наканунѣ процесса, такъ что готовиться онъ и его товарищъ могли только около одного дня (Дѣло началось 14-го въ восемь утра). Передъ рѣчью оба защитника успѣли только распредѣлить темы: Тронсонъ—Дюкудрэ взялъ на себя защиту противъ предполагаемаго заговора съ внутренними врагами, а Шаво—по обвиненію въ заговорѣ съ иностранными державами. „Едва только, говоритъ Шаво, мы согласились въ этомъ дѣленіи и передали другъ другу замѣтки, которыя могли имѣть отношеніе къ защитѣ, какъ черезъ четверть часа насъ позвали и мы должны были говорить безъ подготовки“.—Рѣчь каждаго длилась около двухъ часовъ. Текстъ ихъ нигдѣ не сохранился; офиціальный бюллетень холодно замѣчаетъ: „въ величайшемъ молчаніи выслушиваютъ Шаво и Тронсонъ-Дюкурдэ, назначенныхъ трибуналомъ для защиты Королевы; они исполняютъ эту обязанность съ такимъ же рвеніемъ, какъ и краснорѣчіемъ“. Замѣтимъ, что послѣ рѣчей оба эти защитника въ залѣ засѣданія были взяты подъ стражу и не могли болѣе сообщаться съ королевою. Засимъ, предсѣдатель съ большимъ пристрастіемъ резюмировалъ дѣло. Главное сводилось къ тому, что всѣ доказательства, имѣвшіяся нѣкогда противъ Людовика XVI, тѣмъ самымъ годятся и для Маріи Антуанетты; „ибо, говоритъ онъ, надо отмѣтить одно общее соображеніе: доказано, что обвиняемая пользовалась довѣріемъ Людовика Капета“.

Закончилъ онъ тою фразою, о которой мы уже говорили: „всѣ событія послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуютъ противъ нея".

На разрѣшеніе присяжныхъ были поставлены четыре вопроса: 1) „Доказано ли, что существовали происки и сношенія съ иностранными государствами и другими внѣшними врагами республики, при чемъ означенные происки и сношенія имѣли цѣлью доставить названнымъ врагамъ помощь деньгами, дать имъ доступъ на французскую территорію и облегчить тѣмъ успѣхъ ихъ оружія? 2) Виновна-ли Марія-Антуанетта австрійская, вдова Людовика Капета, въ участіи въ этихъ происках и поддержаніи этихъ сношеній? 3) Доказано ли, что существовалъ заговоръ, направленный къ тому, чтобы возжечь гражданскую войну внутри республики? 4) Виновна ли Марія-Антуанетта австрійская, вдова Людовика Капета, въ участіи въ этомъ заговорѣ?

Послѣ часового совѣщанія присяжные выходятъ съ утвердительнымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, и около четырехъ часовъ утра смертный приговоръ произнесенъ. Онъ выслушанъ подсудимою „безъ страха, безъ негодованія, безъ слабости". Она какъ бы уничтожена отъ удивленія.—Осужденную уводятъ; какое царствовало настроеніе, видно хотя бы изъ того, что жандармскій офицеръ, провожая ее внизъ, снимаетъ передъ ней шляпу; за это онъ арестованъ на слѣдующій же день. Арестованы и оба защитника на всю ночь. Присяжные идутъ ужинать; Фукье подписываетъ приказъ о приведеніи приговора въ исполненіе и, не раздѣваясь, бросается спать. А въ пять утра уже во всѣхъ секціяхъ Парижа бьютъ тревогу—послѣднее утро королевы началось. Быть-можетъ, пока грохочутъ барабаны, пока любопытные спѣшатъ къ эшафоту занять хорошія мѣста, а королева пишетъ свое знаменитое посланіе, которое въ національныхъ архивахъ Франіи теперь хранится рядомъ съ завѣщаніемъ казненнаго короля, быть-можетъ, въ это же время одинъ изъ присяжныхъ, столяръ Триншаръ, составляетъ короткое и безграмотное письмо къ

къ своему брату: „Извѣщаю тебя, братъ мой, что я былъ однимъ изъ присяжныхъ, которые судили дикое животное, которая пожрала большую часть республики, ту, которую называли бывшей королевой“.

III.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ, слѣдующихъ за казнью Маріи-Антуанетты, революціонный трибуналъ всецѣло превращается въ орудіе Робеспьера; наполненный его ставленниками, онъ имѣетъ единственной цѣлью дѣятельности освобожденіе „несовратимаго“ отъ всѣхъ враговъ его. Въ угоду туманнымъ замысламъ загадочнаго трибуна, одинъ за другимъ падаютъ подъ мечемъ, прежде всего, тѣ лица, коихъ положеніе при бывшемъ строѣ или же успѣхи въ первыя эпохи революціи дѣлали врагами народа въ глазахъ партіи террора и Комитета общественнаго спасенія; но ими одними списокъ знаменитыхъ жертвъ трибунала не ограничивается. Какъ разъ въ эту эпоху исторія политическихъ партій во Франціи достигаетъ наибольшей сложности и принимаетъ порою характеръ совершенныхъ неожиданностей. На скамью революціоннаго трибунала слѣдуютъ одни за другими люди, которые за нѣсколько недѣль, а иногда и дней были кумирами общественнаго мнѣнія и которые, какъ кажется, внезапно превращаются въ измѣнниковъ, заговорщиковъ, предателей. Послѣ процессовъ, совершенно ничего не объясняющихъ,—ибо въ этихъ процессахъ очень мало фактовъ, колоссально много реторики,—недавніе герои идутъ на смерть. Исторія этихъ шести мѣсяцевъ является, по всей вѣроятности, одною изъ труднѣйшихъ главъ исторической науки вообще. Конечно, невозможно пытаться очертить ее здѣсь.—Мы ограничимся лишь указаніемъ на то, какіе способы судебной борьбы съ ея врагами были измышлены партіей власти въ эту страшную эпоху. и во что вырождался подъ ихъ вліяніемъ революціонный уголовный процессъ.

Эта борьба начинается съ Жирондистовъ. Подъ ихъ именемъ объединяются здѣсь тѣ двадцать два депутата различныхъ департаментовъ, которые пали подъ ударомъ проскрипцій 31 мая—2 іюня и которые не успѣли или не пожелали скрыться послѣ изданія Конвентомъ декрета объ ихъ арестованіи. Ихъ процессъ начинается вскорѣ послѣ дѣла Маріи Антуанетты, 24 октября (3 брюмера). На этотъ разъ передъ присяжными впервые предстали 22 человѣка, которые были цвѣтомъ плеяды людей народа, выдвинутыхъ на первыя мѣста самою революціей. Имъ нельзя было вмѣнить никакого опредѣленнаго преступленія, и единственное, за что имъ приходилось давать отвѣтъ, заключалось, въ сущности, въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ; нѣкоторая мягкость и отсутствіе нетерпимости—вотъ что дѣлало ихъ ужасными преступниками. И дѣйствительно, процессъ ихъ доказалъ воочію, что судились не столько люди, сколько взгляды и наклонности; неоднократно подсудимые отвѣчали на ядовитые вопросы предсѣдателя: „я полагалъ, что меня судятъ здѣсь не за мои убѣжденія“.—Отвѣтъ, который неизмѣнно вызываетъ замѣчаніе предсѣдателя: „Хотя, дѣйствительно, Вы не даете здѣсь отвѣта за убѣжденія, но, такъ какъ васъ обвиняютъ въ заговорѣ противъ республики, то присяжнымъ засѣдателямъ не безполезно знать эти убѣжденія и т. д.“

Но вотъ, процессъ тянется уже пять дней; допрошено лишь 9 свидѣтелей (одинъ изъ нихъ, Шабо, говорилъ одиннадцать часовъ и оставилъ за собою право давать дальнѣйшія объясненія—это была печальная личность, эксъ-капуцинъ). Показанія свидѣтелей, повидимому, дали мало матеріала обвинителю, а подсудимые защищались съ большой энергіей (не всѣ съ полной нравственной красотою). Одинъ изъ нихъ, знаменитый Верньо, произнесъ значительную рѣчь; чувствовалось, что для прокурора дѣло портилось.—Тогда Фукье рѣшается на совершенно особый шагъ: отъ имени трибунала пишется письмо въ Конвентъ слѣдующаго содержанія:

„Медленность, съ которой подвигаются процессы въ революціонномъ трибуналѣ, заставляетъ насъ представить вамъ нѣкоторыя

соображенія: мы дали достаточно доказательствъ нашего рвенія для того, чтобы не бояться обвиненія въ небрежности; насъ задерживаютъ формы, предписанныя закономъ. До сихъ поръ допрошено только девять свидѣтелей; каждый изъ нихъ желаетъ изобразить исторію революціи; подсудимые имъ отвѣчаютъ и вызываютъ возраженія. Возбуждаются пререканія, которыя болтливость подсудимыхъ дѣлаетъ весьма длительными, и развѣ не пожелаетъ каждый изъ подсудимыхъ послѣ этихъ преній произнести общую защиту? Этотъ процессъ будетъ безконечнымъ. Вообще, спрашивается, зачѣмъ свидѣтели? Конвентъ, вся Франція обвиняютъ тѣхъ лицъ, чье дѣло теперь слушается; доказательства ихъ преступленій очевидны; каждый въ глубинѣ души убѣжденъ, что они виновны: но судъ самъ ничего не можетъ сдѣлать: онъ долженъ исполнять законъ. Конвенту надлежитъ устранить всѣ тѣ преграды, которыя задерживаютъ его примѣненіе".

Отвѣтъ на это циничное письмо былъ, несомнѣнно, предрѣшенъ, и самъ Робеспьеръ тутъ-же формулировалъ его. Въ его бумагахъ найденъ черновикъ декрета, написанный его рукой. Декретъ этотъ, тотчасъ же принятый, провозглашалъ совершенно новый принципъ въ уголовномъ правосудіи; а именно было постановлено, что послѣ трехъ дней судебнаго слѣдствія предсѣдатель суда имѣетъ право обратиться къ присяжнымъ съ вопросомъ, достаточно ли дѣло выяснено для ихъ совѣсти; въ случаѣ отрицательнаго отвѣта слѣдствіе по дѣлу продолжается до заявленія присяжныхъ, что они въ состояніи вынести рѣшеніе. Отсюда вытекало, что при заявленіи присяжныхъ о томъ, что они не нуждаются въ продолженіи судебнаго слѣдствія, послѣднее тутъ же должно было прекращаться, и присяжные немедленно могли постановить рѣшеніе.

Этотъ декретъ, тотчасъ же препровожденный въ трибуналъ, былъ оглашенъ предсѣдателемъ; и черезъ нѣсколько часовъ старшина присяжныхъ, чувствуя, что знаменуетъ это рѣшеніе Конвента, заявилъ, что дѣло уже ясно присяжнымъ засѣдателямъ...

Предсѣдатель вручаетъ имъ вопросный листъ, и они удаляются на совѣщаніе. Такимъ образомъ, ни подсудимымъ, ни защитѣ не пришлось высказаться; происходитъ первое юридическое убійство въ стѣнахъ трибунала.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда были введены въ залъ подсудимые, и когда Фукье, въ виду утвердительнаго отвѣта присяжныхъ, потребовалъ смертной казни для всѣхъ обвиняемыхъ, произошла та знаменитая, столько разъ описанная, сцена возмущенія и негодованія людей, понявшихъ, какимъ маневромъ у нихъ отнята всякая защита. Подсудимыхъ пришлось увести изъ зала до постановленія судомъ приговора. Когда же они удалились, когда смолкли подъ сводами звуки жирондистской марсельезы, то оказалось, что одинъ изъ осужденныхъ остался бездыханнымъ на своей скамьѣ; это былъ Валазе, зарѣзавшійся кинжаломъ во время общаго смятенія. Личность его удостовѣряется судебнымъ приставомъ, смерть констатируется врачомъ... Фукье требуетъ, чтобы мертвый былъ гильотинированъ вмѣстѣ съ живыми „его сообщниками“. Судъ, однако, только отчасти удовлетворяетъ ходатайство обвинителя: онъ опредѣляетъ, что трупъ покончившаго съ собой будетъ отвезенъ на особой повозкѣ къ мѣсту казни вмѣстѣ съ остальными и закопанъ въ одной могилѣ съ казненными; на слѣдующій день это и было исполнено.

За Жирондистами длинной серіей проходятъ подсудимые „высокой марки“: братъ короля, герцогъ Орлеанскій (6 ноября), госпожа Роланъ, нимфа Эгерія Жирондистовъ (8 ноября), Байльи (10), Манюэль (14), г-жа Дюбарри (6 декабря), членъ Конвента Керсэнъ, Осселэнъ, бывшій министръ Лебрэнъ, еще многіе—всѣ, какъ участники безконечнаго заговора, направленнаго противъ республики. Ихъ процессы имѣютъ огромное значеніе для характеристики личностей какъ самихъ подсудимыхъ, такъ и ихъ судей; но они лишены, можно сказать, всякаго интереса для выясненія юридическихъ принциповъ, примѣнявшихся въ революціонномъ трибуналѣ; никакихъ новыхъ пріемовъ въ этихъ дѣлахъ не на-

блюдается. Но гораздо важнѣе, что къ этому самому времени относится появленіе такъ называемыхъ „амальгамъ“—зародышъ самыхъ ужасныхъ явленій въ послѣдующемъ,—т. е. процессовъ, въ которыхъ, для сокращенія времени и производства, отдѣльные подсудимые, ничего между собою общаго не имѣвшіе и сталкивавшіеся впервые на скамьѣ подсудимыхъ, судились вмѣстѣ, и всѣ признавались участниками одного и того же заговора. Въ началѣ такимъ способомъ соединяются пять-шесть человѣкъ, и въ нѣсколько часовъ дѣло о нихъ заканчивается. Эти процессы проходятъ, какъ мелкая, повседневная работа; даже публика трибунъ къ нимъ привыкаетъ, даже сами подсудимые настолько свыкаются съ мыслью о неизбѣжности казни, что никакихъ особыхъ сценъ не происходитъ въ залахъ судилища. Такъ, мало-по-малу, въ эту эпоху растетъ число жертвъ; ихъ по шестьдесятъ за мѣсяцы, ноябрь, декабрь, январь; 116 за февраль; 155 за мартъ; между ними лица всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній, до публичныхъ женщинъ включительно [1]). Дѣянія почти всегда ничтожны—это такъ называемые возмутительные возгласы, связь съ аристократами или неприсягнувшими республикѣ священниками, распространеніе непріемлемыхъ съ террористической точки зрѣнія сочиненій, въ общемъ всегда одно и то же—несочувствіе партіи террора и то или иное его проявленіе. Но въ это же самое время, какъ, впрочемъ, во время всякихъ гоненій, у цѣлаго класса людей развивается особое чувство—неосязаніе ужаса смерти. „Смерть, гдѣ же жало твое?“ — вотъ, кажется, девизъ дня. Исторія революціоннаго трибунала начинаетъ пестрѣть примѣрами лицъ, которыя съ необычайнымъ презрѣніемъ относились къ революціонному судилищу и принимали смерть, какъ желанное благо и успокоеніе. Одно изъ такихъ дѣлъ слишкомъ любопытно, чтобы о немъ не упомянуть здѣсь. Оно же

[1]) Коммуна преслѣдовала въ то время „паденіе нравовъ“ съ большою жестокостью, какъ наслѣдіе „стараго режима“. Многія несчастныя женщины, въ порывѣ отчаянія, начинали кричать: „Да здравствуетъ королева!“ или „долой гильотину“, за что и попадали въ революціонный трибуналъ.

даетъ намъ примѣръ непостижимой быстроты дѣйствій этого учрежденія.

Мы говоримъ о дѣлѣ г-жи де-Лаверн. Ея мужъ, 70-лѣтній старикъ, былъ военнымъ комендантомъ города Лонгви, который 23 августа 1792 г. капитулировалъ передъ пруссаками. Отсюда и возникло обвиненіе противъ де-Лаверня; здѣсь нечего разсказывать, какъ его дѣло переходило изъ одного суда въ другой, какъ на нѣкоторое время его почти забыли въ тюрьмѣ, какъ, наконецъ, 31 марта 1794 г. этотъ больной и слабый старикъ предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ (вѣрнѣе—какъ онъ былъ принесенъ на матрацѣ въ залъ). Де-Лаверн съ трудомъ отвѣчалъ на вопросы предсѣдателя. Его приговорили къ смертной казни. Но вотъ, въ моментъ провозглашенія приговора, произошло нѣчто небывалое: какая-то женщина среди публики, находившейся въ залѣ засѣданія, стала кричать громкимъ голосомъ: „да здравствуетъ король, да здравствуетъ король!“; сосѣди не могли заставить ее замолчать. Жандармы схватили ее и отвели въ Департаментъ Полиціи, и здѣсь тотчасъ же былъ составленъ протоколъ,—одинъ изъ тѣхъ маленькихъ протоколовъ той эпохи, которыхъ безъ волненія нельзя читать.

„На нашъ вопросъ, значится тамъ, женщина эта назвалась Викторіей Ренье, по мужу Лаверн, двадцати шести лѣтъ и т. д. На вопросъ, почему ее арестовали?—отвѣтила, что объ этомъ она ничего не знаетъ; на замѣчаніе, что граждане жандармы, которые ее задержали, утверждаютъ, что она требовала короля, что она кричала, что хочетъ быть гильотинированной, ибо сейчасъ убьютъ ея мужа, отвѣтила, что она объ этомъ ничего не знаетъ; на вопросъ, произносила ли какія-либо другія слова и выраженія, отвѣтила, что она этого не знаетъ, что она только чувствуетъ необходимость лечь; на вопросы, почему она при входѣ заявляла намъ самимъ, что она хочетъ короля, что сейчасъ убьютъ ея мужа, что она желаетъ идти на гильотину, что мы палачи,—отвѣтила, что она объ этомъ ничего не знаетъ. По оглашеніи ей настоящаго протокола заявила, что

она не знаетъ, ни о чемъ ей задавали вопросы, ни что она отвѣчала и подписала протоколъ вмѣстѣ съ нами. Въ эту минуту явился товарищъ прокурора революціоннаго трибунала и отъ имени сего трибунала потребовалъ передачи ему личности этой женщины, обвиняемой въ преступленіи, совершенномъ въ зданіи суда". На этомъ протоколъ оканчивается. Тотчасъ же госпожа Лаверн была отведена въ одну изъ залъ трибунала и здѣсь вице-предсѣдатель, Дюма, „Дюма Красный", снялъ съ нея „предварительный допросъ". Въ этомъ новомъ протоколѣ со словъ несчастной женщины записано, „что она говорила, что нуженъ король, что она повторяетъ и будетъ повторять это, пока у нея есть языкъ, и что она заявляетъ, что не желаетъ назвать себя и не умѣетъ подписываться". Пока составлялся этотъ протоколъ, Фукье успѣлъ изготовить обвинительный актъ, въ которомъ де-Лаверн было предъявлено обвиненіе въ томъ, что она „замыслила заговоръ противъ французскаго народа, и сегодня, у внѣшней двери зала засѣданія суда, призывала къ возстановленію королевскаго образа правленія, желая тѣмъ самымъ вызвать гражданскую войну въ народѣ". Дѣло готово. А въ это время судьи и присяжные, осудившіе старика де-Лаверня, еще на мѣстахъ; молодая женщина садится на скамью, съ которой только что сошелъ ея мужъ; и, хотя ни для кого не могло быть сомнѣнія въ томъ, что она дѣйствовала въ припадкѣ полнаго безумія, что все ея поведеніе было лишь реакціей на мысль о немедленно предстоящей казни мужа, она все-таки была присуждена къ смертной казни. Съ этого момента волненіе госпожи де-Лаверн смѣнилось чувствомъ какого-то блаженнаго успокоенія, ощущеніемъ счастья и спокойствія. Черезъ три часа въ одной и той же повозкѣ были отвезены къ мѣсту казни де-Лаверн и его жена. Легенда разсказываетъ, что больной старикъ впалъ въ это время въ совершенную прострацію и только у ступенекъ эшафота понялъ, что собственно произошло, и какимъ образомъ рядомъ съ нимъ очутилась его жена.

Такихъ случаевъ добровольнаго принесенія себя въ жертву можно

насчитать за эту эпоху нѣсколько; они доказываютъ, что къ этому времени для цѣлаго ряда отдѣльныхъ личностей сдѣлалось очевиднымъ, что трибуналъ сталъ на путь открытыхъ злодѣяній, и что поэтому погибнуть на эшафотѣ—значитъ воспріять смерть мученика. Такимъ образомъ, нравственная оцѣнка трибунала уже сдѣлана, и сдѣлана правильно. Ибо, дѣйствительно, весь дальнѣйшій образъ дѣйствій его является доказательствомъ печальнаго заблужденія людей, которые, быть можетъ, и искренно вѣрили, что подобной „диктатурой юстиціи“ они возродятъ, успокоятъ націю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставятъ республику на путь, начертанный Максимиліаномъ Робеспьеромъ. И въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть въ виду, что въ этотъ періодъ революціи съ неменьшей жестокостью, чѣмъ все снисходительное и мягкое, начинаютъ преслѣдовать также и все крайнее, все то, что отдѣлялось нѣсколько отъ триединой формулы Робеспьера: „терроръ, поддерживающій добродѣтель, существованіе Высшаго Разума и священная собственность“. Всякій долженъ былъ повиноваться этимъ истинамъ: недостоинъ какъ тотъ, кто проповѣдуетъ нѣкоторую снисходительность, такъ и тотъ, кто проповѣдуетъ терроръ, но безъ добродѣтели; кто отрицаетъ Высшее Существо, кто нападаетъ на собственность. И потому, наряду съ умѣренными подъ проскрипціями комитета общественнаго спасенія оказываются всѣ крайніе: анархисты, безбожники и слишкомъ заядлые революціонеры—это тѣ же заговорщики.

Съ именами крайнихъ и умѣренныхъ связаны весьма громкіе процессы этого періода: дѣло крайнихъ—Гебера (автора и издателя знаменитаго „Пэръ Дюшэнъ“) и черезъ 12 дней послѣ него процессъ Дантона, Камилла Демулена и другихъ. Въ обоихъ случаяхъ получилъ примѣненіе придуманный для казни жирондистовъ законъ объ обязательности лишь трехъ дней судебнаго слѣдствія. Въ процессѣ Гебера судилось 20 человѣкъ; между ними Анахарсисъ Клотцъ, нѣмецкій баронъ, милліонеръ, жрецъ всемірной республики; этотъ мечтатель удивлялся, какъ можно

гильотинировать въ Парижѣ человѣка, который былъ бы сожженъ въ Римѣ, повѣшенъ въ Лондонѣ и колесованъ въ Вѣнѣ. Бѣдный баронъ ошибся.—На третій день предсѣдательствовавшій Дюма („тигръ“) обратился къ подсудимымъ съ длиннѣйшею рѣчью, въ которой называлъ ихъ гнусными разбойниками, измѣнниками, убійцами, палачами, душителями, отцеубійцами, жестокими рабами, узурпаторами, агентами тирана, лакеями иностранныхъ державъ, фальшивыми патріотами и роялистами. Присяжные не замедлили заявить послѣ этого, что дѣло достаточно для нихъ выяснено, и 19 подсудимыхъ (кромѣ одного — шпіона Робеспьера) были осуждены.

Но что дѣйствительно ужасно и производитъ поистинѣ трагическое впечатлѣніе—это то, что называется „процессомъ Дантона“. Извѣстно, что декретъ Конвента объ арестѣ Дантона, Камилла Демулена и еще трехъ депутатовъ, продиктованный Сенъ Жюстомъ, поддержанный Робеспьеромъ, произвелъ въ Парижѣ; огромную сенсацію. Хотя знали, что Дантонъ открыто отошелъ отъ Робеспьера, удалившись нѣсколько отъ дѣлъ за послѣднія недѣли; хотя уже говорили, что Демуленъ, высмѣивавшій въ своемъ „Старомъ Кордельерѣ“ политику террора, „ухаживаетъ за гильотиной“, однако никто не ждалъ, что Робеспьеръ рѣшится на такой страшный шагъ, на послѣднюю ставку въ борьбѣ съ людьми не его лагеря. Этотъ процессъ долженъ былъ быть истиннымъ единоборствомъ между Дантономъ и Робеспьеромъ; Фукье-Тэнвиль и трибуналъ держали на этотъ разъ въ рукахъ судьбу Франціи. Дантонъ въ этомъ процессѣ былъ великъ, какъ только онъ могъ быть великъ. „Онъ вошелъ,—говоритъ очевидецъ,—какъ быкъ на арену, съ опущенными рогами, онъ съ самаго начала надѣялся поднять народъ“. На процессѣ онъ проявлялъ свое титаническое, сокрушительное краснорѣчіе, онъ вопилъ тѣмъ громовымъ голосомъ, раскаты котораго, по словамъ легенды, раздавались далеко за зданіемъ суда, до самой набережной. Для трибунала это были чрезвычайно горячіе дни. Ничтожный эпизодъ могъ повернуть

настроеніе народа и присяжныхъ въ пользу обвиняемыхъ, а это несомнѣнно было бы крушеніемъ всей системы.

Первый день прошелъ безусловно въ пользу подсудимыхъ (ихъ было 16 человѣкъ). Сохранились записки одного изъ присяжныхъ засѣдателей (Топино); странно видѣть теперь, черезъ цѣлое столѣтіе, фразы великаго оратора, вырванныя изъ его рѣчи и записанныя простою и неумѣлою рукой: „Народъ растерзаетъ моихъ враговъ ранѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца". „Мнѣ отказываютъ въ свидѣтеляхъ, ну хорошо, такъ я не буду защищаться"; „я установилъ Революціонный трибуналъ, такъ я же долженъ понимать здѣсь толкъ". На каждый вопросъ предсѣдателя Дантонъ отвѣчаетъ горячей рѣчью, взывая къ своей дѣятельности за все время революціи.—„Дантонъ,—замѣчаетъ редакторъ бюллетеня,—говорилъ долго съ тою силою, съ тою энергіею, которую онъ проявлялъ столько разъ въ собраніяхъ". Видно, какъ его сила захватываетъ всѣхъ и все; какъ предсѣдатель начинаетъ пускаться на хитрости и лишаетъ его слова подъ предлогомъ того, что онъ усталъ. Дѣло не двигается. Сохранились три записки, которыми обмѣнялись въ этотъ день предсѣдатель съ обвинителемъ; на одной изъ нихъ написано: „надо же подвигаться впередъ"! Проходитъ и второй день: допрашиваются нѣсколько свидѣтелей; между прочимъ, при допросѣ одного изъ нихъ, Дантонъ бросаетъ свое знаменитое: „Ты вѣришь, что мы были заговорщикими? Смотрите, онъ смѣется! Онъ не вѣритъ! Такъ запишите же, что онъ смѣется!" Подсудимые защищаются всѣ съ большой энергіей и требуютъ допроса свидѣтелей. Фукье чуетъ опасность. Въ кулуарахъ ходятъ члены Комитета Общественнаго Спасенія и въ перерывахъ увѣщеваютъ присяжныхъ вынести обвинительный вердиктъ. Что же предпринимается? Фукье пишетъ донесеніе въ Комитетъ Общественнаго Спасенія: „страшная гроза,—говоритъ онъ,—бушуетъ въ судѣ съ начала засѣданія; подсудимые, какъ буйные, требуютъ допроса свидѣтелей; они обращаются къ народу съ жалобами на отказъ, который они якобы встрѣчаютъ; ихъ многократныя

требованія нарушаютъ порядокъ, они громко заявляютъ, что не замолчатъ, пока не будутъ допущены свидѣтели. Мы приглашаемъ васъ окончательно опредѣлить намъ наше поведеніе въ виду этихъ требованій, ибо судебный порядокъ не даетъ намъ никакихъ способовъ мотивировать отказъ"... Возвратившись въ залъ, Фукье успокаиваетъ подсудимыхъ, увѣряетъ ихъ, что завтра же имъ будетъ дано слово. „А, мы получимъ слово,—восклицаетъ Демуленъ,—это все, чего мы просимъ". (Большое и искреннее веселье среди подсудимыхъ, замѣчаетъ офиціальный бюллетень). „Если только намъ дадутъ слово, я увѣренъ, что уничтожу моихъ обвинителей, и если французскій народъ есть то, чѣмъ онъ долженъ быть, то я же буду принужденъ просить пощады для нихъ", заявляетъ Дантонъ. По всей вѣроятности, сюда же относятся слова Дантона къ предсѣдателю: „Я уважаю тебя, предсѣдатель, у тебя честная душа".—А въ это самое время терроризованный Конвентъ, по докладу Сенъ Жюста, голосовалъ декретъ, силой котораго предсѣдатель обязанъ былъ употреблять всѣ средства, данныя ему закономъ, для поддержанія своей власти и достоинства трибунала и для подавленія всѣхъ могущихъ имѣть мѣсто со стороны подсудимыхъ попытокъ нарушить общественное спокойствіе или препятствовать отправленію правосудія. Засимъ въ этомъ декретѣ было установлено, что всякій обвиняемый въ заговорѣ, который будетъ насмѣхаться надъ національнымъ правосудіемъ или сопротивляться ему, подлежитъ немедленному лишенію слова и удаленію изъ суда. Въ пять часовъ, 15 апрѣля, Фукье получилъ письмо, извѣщавшее его объ этомъ декретѣ, а вскорѣ и самый текстъ его, который тутъ же и былъ оглашенъ. Судьи, присяжные, народъ и обвиняемые изумлены, они переглядываются въ недоумѣніи. Дантонъ встаетъ, онъ заклинаетъ судей и народъ высказать, правда ли, что подсудимые бунтовали... Публика „смущена, растрогана и волнуется". Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе. Тутъ происходитъ грозная сцена: „Гнусные тираны,—кричитъ Дантонъ,—вы не долго будете безнаказанны, эшафотъ требуетъ васъ".—„На него страшно

смотрѣть".—Все было напрасно: всѣ подсудимые лишаются слова и уводятся, согласно новому закону, изъ залы; Германъ закрываетъ засѣданіе; три обязательныхъ дня прошли... На другое утро, съ самаго начала засѣданія, при неописуемомъ волненіи, присяжные, подъ несомнѣннымъ давленіемъ Фукье, сдѣлали сакраментальное заявленіе. Предсѣдатель ставитъ на ихъ разрѣшеніе вопросы, изъ которыхъ первый прямо въ утвердительной формѣ, т. е. «существовалъ заговоръ, направленный къ диффамаціи и поношенію народнаго представительства» и т. д., и затѣмъ вопросы о виновности каждаго изъ подсудимыхъ.—Отвѣтъ, разумѣется, былъ утвердительный. Обвиняемыхъ не рѣшились даже привести выслушать резолюцію; въ первый разъ, въ несомнѣнное нарушеніе закона, пристава пошли въ тюрьму объявлять подсудимымъ приговоръ.

Такъ погибъ величайшій изъ политическихъ талантовъ революціи, самая „крупная дичь", какъ сказалъ онъ самъ, отдаваясь въ руки палача. Его „процессъ" и убійство суть тяжкое преступленіе, въ которомъ нѣтъ оправданія ни Трибуналу, ни Робеспьеру. „Кровь Дантона душитъ тебя!" услышитъ онъ въ Конвентѣ черезъ три мѣсяца, 9 термидора; и дѣйствительно, она задушила его; но только вмѣстѣ съ ней и тѣ ручьи крови, которые начинаютъ литься послѣ казни „умѣренныхъ".

IV.

Мы приближаемся къ апогею. Робеспьеръ правитъ страною при помощи обоихъ Комитетовъ, и страна въ ужасѣ молчитъ. Этотъ человѣкъ, „смѣсь Кромвеля и Магомета", утверждаетъ на землѣ новаго Бога и въ пышныхъ празднествахъ машетъ цвѣтами Высшему Существу [1]). Терроръ въ связи съ этимъ новымъ культомъ принимаетъ характеръ почти мистическій; передъ безпре-

[1]) Законъ 17 мая 1794 г. ст. 1. „Французскій народъ признаетъ существованіе Высшаго Существа и безсмертіе души". Ср. законъ 10 ноября 1793 г.—„всѣ религіи ничтожны и Бога не существуетъ".

рывно дѣйствующей, „святой“ гильотиной происходятъ какія-то очистительныя гекатомбы новому божеству; и жертвы плывутъ изъ тюремъ сотнями; въ странѣ воцаряется настоящій каннибализмъ. Въ Конвентѣ читаются петиціи темныхъ маньяковъ о томъ, что для спасенія народа „нужно 900 тысячъ головъ“. Вся страна какъ будто обречена на эшафотъ.

Революціонный Трибуналъ еле поспѣваетъ: подсудимыхъ уже судятъ только „амальгамами“ и нерѣдко среди слѣдствія присоединяютъ къ обвиняемымъ совершенно новыхъ лицъ. Такъ присуждаются къ казни сразу по 20, по 35 человѣкъ (Вердэнское дѣло). О какомъ-нибудь отправленіи правосудія не приходится говорить.

Какая страшная смѣсь! Шометтъ, бывшій прокуроръ коммуны (которому, между прочимъ, вмѣняется въ вину уничтоженіе полуночныхъ службъ въ церквахъ) и бывшій епископъ, отщепенецъ Гобель, который, умирая, все-таки кричитъ: „Да здравствуетъ Іисусъ Христосъ!“; къ этимъ двумъ присоединяются въ ужасной и, очевидно, предумышленной симметріи и символикѣ вдовы Гебера и Демулена, подруги казненныхъ главъ обѣихъ партій, анархистовъ и умѣренныхъ. 20 октября проходятъ члены парламента Тулузы, знаменитые своей честностью судебные дѣятели стараго режима; за ними 29 генеральныхъ фермеровъ, между которыми Лавуазье [1]), затѣмъ сестра короля, госпожа Елизавета, вмѣстѣ съ 20 другими, священниками, солдатами, служащими;—всѣ они осуждены на основаніи показаній одного свидѣтеля.

Но всего этого недостаточно. Нуженъ законъ, который окончательно утвердилъ бы такой порядокъ вещей. Этотъ законъ, наконецъ, является. Объ этомъ законѣ 22 Преріаля (10 іюня)

---

[1]) Лавуазье требовалъ отсрочки казни на двѣ недѣли, для опубликованія одного открытія. Предсѣдательствующій (Кофиналь) отвѣтилъ: „Республика не нуждается ни въ ученыхъ, ни въ химикахъ“.—„Имъ было достаточно“, замѣтилъ великій математикъ Лагранжъ, „одного мгновенія, чтобы отрубить эту голову, но вѣроятно будетъ мало цѣлаго столѣтія, чтобы возродить еще одну такую же“.

исторія сохранитъ воспоминаніе, какъ о чемъ-то чудовищномъ. Каждое слово его есть смертельный ударъ идеѣ правосудія.

По счастію, мы знаемъ теперь не только текстъ этого закона, но и тѣ объяснительныя соображенія, которыя были предложены вмѣстѣ съ нимъ Конвенту въ особомъ докладѣ члена Комитета общественнаго спасенія, одного изъ присныхъ Робеспьера, депутата Кутона („добродѣтельнаго Кутона“). Изъ этого доклада видно, до какого систематическаго безумія дошли юридическая мысль этой партіи, и что, собственно, она преслѣдовала. Оказывается, что уголовный кодексъ, введенный въ дѣйствіе въ началѣ революціи, является актомъ „шарлатанскаго макіавелизма, созданнаго въ интересахъ богатыхъ и заговорщиковъ гораздо болѣе, чѣмъ въ интересахъ истины и правосудія“, и что въ сѣтяхъ его „революціонный трибуналъ былъ долгое время парализованъ“. И въ самомъ дѣлѣ: этотъ кодексъ создалъ какую-то „судебную истину“, которая вовсе не являлась истиной нравственной и естественной; «очевидность не имѣла силы служить доказательствомъ безъ свидѣтелей, безъ документовъ». «Судопроизводство было какимъ то подобіемъ священнодѣйствія, основаннымъ на заблужденіи; юриспруденція—это фальшивая религія, цѣликомъ состоявшая изъ догматовъ, обрядовъ и таинствъ, изъ которыхъ изгнана нравственность; къ такимъ порядкамъ снисходительные хотятъ низвести національное правосудіе, а вмѣстѣ съ нимъ и весь ходъ революціи; нравственныя доказательства считались ни во что, какъ будто самыя матеріальныя доказательства имѣли какое нибудь отличное отъ нихъ значеніе»; «отсюда произошло, что народное правосудіе никогда не имѣло того величественнаго вида, не проявляло той энергіи, которыя ей приличествовали». «Преступленія заговорщиковъ угрожаютъ непосредственно существованію общества и его свободѣ, что одно и то же. Жизнь негодяевъ здѣсь является противовѣсомъ жизни народа; здѣсь всякая медленность преступна, всякая снисходительность или излишняя формальность—общественное бѣдствіе. Времени для наказанія враговъ отечества нужно столько

же, сколько нужно, чтобы ихъ узнать; здѣсь дѣло идетъ менѣе о томъ, чтобы ихъ наказать, какъ о томъ, чтобы ихъ уничтожить. Снисхожденіе по отношенію къ нимъ ужасно, милость равна отцеубійству. Такъ, напримѣръ, самое существованіе или возможность защиты въ подобныхъ преступленіяхъ есть въ сущности самостоятельное преступленіе передъ народомъ и отечествомъ. Невѣроятная вещь! Свобода подвергалась опасности отъ вѣчныхъ заговоровъ, а самъ законъ искалъ сообщниковъ своимъ врагамъ въ лицѣ ихъ защитниковъ». Въ стѣнахъ трибунала, назначеннаго для наказанія этихъ враговъ, раздавались кощунства противъ Революціи и ябедныя декламаціи—и притомъ виновны въ нихъ не эти «продажные адвокаты тиранніи, а самъ законъ, ибо чѣмъ болѣе эти личности надругались надъ народомъ, тѣмъ болѣе достойно они выполняли обязанность, самимъ же закономъ на нихъ возложенную». Слѣдуютъ гадости противъ защитниковъ... «Вообще заговорщики не должны имѣть защитниковъ». «Республика, окруженная съ самаго рожденія врагами столь же злокозненными, какъ и многочисленными, должна разить ихъ съ быстротою молніи»...

Таковъ этотъ бредъ. Быть-можетъ, въ первый разъ за время всей новой исторіи человѣкъ додумался до мысли, что судъ имѣетъ двоякую функцію—карающую для обычныхъ преступниковъ, уничтожающую для государственныхъ; обычныя доказательства для первыхъ; нравственную интуицію, какой-то политическій нюхъ для разгадыванія вторыхъ; процессъ съ обычными обрядами для однихъ; молніеносное паденіе меча закона для другихъ. Быть-можетъ, въ первый разъ человѣкъ представилъ себѣ совершенно опредѣленно, безъ всякихъ обиняковъ, что богиня правосудія не только держитъ двѣ чаши, но олицетворяетъ двѣ различныя идеи и имѣетъ два лика, два совершенно различныхъ выраженія...

Въ самый день ея провозглашенія эта теорія получила форму закона. „Я размозжу себѣ голову, если онъ пройдетъ!“, восклицаетъ одинъ депутатъ (Рюампсъ), и нѣкоторые члены Конвента

его поддерживаютъ. Но Робеспьеръ переходитъ на трибуну съ кресла предсѣдателя, настаиваетъ на немедленномъ голосованіи, и—такова загадочная сила этого человѣка—законъ тотчасъ же принимается... Вотъ его главныя основанія:

Ст. 4. Революціонный Трибуналъ учрежденъ для наказанія враговъ народа.

Ст. 5. Врагами народа являются всѣ тѣ, которые стремятся уничтожить общественную свободу либо силою, либо хитростью.

Ст. 7. Наказаніе, положенное за всѣ преступленія, подсудныя Революціонному Трибуналу, есть смертная казнь.

Ст. 8. Необходимымъ доказательствомъ для осужденія враговъ народа служитъ всякая улика, либо матеріальная, либо моральная, устная или письменная, которая можетъ быть признана достаточной всякимъ справедливымъ и разсудительнымъ умомъ.

Ст. 12. Обвиняемый допрашивается въ засѣданіи публично. Процедура тайнаго предварительнаго допроса уничтожается, какъ излишняя; она можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ особыхъ случаяхъ, гдѣ она будетъ признана полезной для раскрытія истины.

Ст. 13. Если существуютъ доказательства матеріальныя либо моральныя, независимо отъ показаній свидѣтелей, то таковые допрашиваться не будутъ, развѣ лишь если эта формальность окажется необходимою для раскрытія сообщниковъ или по другимъ соображеніямъ общественнаго значенія.

Ст. 16. Законъ даетъ въ качествѣ защитниковъ оклеветаннымъ патріотамъ патріотовъ—присяжныхъ засѣдателей; онъ не даетъ ихъ вовсе заговорщикамъ.

Итакъ, отнынѣ ни слѣдствія, ни свидѣтелей, ни защиты. Остаются: доносъ, обвинительный актъ, вердиктъ и гильотина. Если прибавить къ этому, что „каждый гражданинъ имѣетъ право задерживать и передавать властямъ заговорщиковъ и контрреволюціонеровъ“; что онъ обязанъ доносить на нихъ, какъ только они стали ему извѣстны (ст. 9); что Комитеты общественнаго спа-

сенія и общественной безопасности, а на ряду съ ними общественный обвинитель могутъ безъ согласія Конвента предавать Революціонному Трибуналу всѣхъ гражданъ, не исключая и народныхъ представителей,—то становится очевидно, что въ рукахъ доносчиковъ Фукье и Робеспьера теперь уже дѣйствительно вся страна; получается подлинное воплощеніе самаго трагическаго террора. Стоитъ вспомнить послѣ этого слова, сказанныя Робеспьеромъ, когда онъ отстаивалъ этотъ законъ. Онъ говорилъ: „съ перваго взгляда видно, что законъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ни одного правила, которое не было бы заранѣе принято друзьями свободы; что нѣтъ въ немъ ни одной статьи, которая не была бы основана на справедливости и на разумѣ“...

Тѣ 49 дней, которые продолжаются отъ изданія этого закона до паденія Робеспьера (22 преріаля—9 термидора, 10 іюня—27 іюля), не поддаются описанію. Въ теченіе ихъ 1703 человѣка прошли передъ трибуналомъ и изъ нихъ 1366 были казнены; а за это время было всего 43 засѣданія (каждое отъ 3 и не болѣе 5 часовъ). Въ среднемъ, слѣдовательно, въ день по 30, иногда по 50, 60 человѣкъ; это уже не амальгамы, а настоящіе „гурты“. „Ножъ гильотины,—пишетъ очевидецъ,—притупился, такъ что послѣдніе осужденные, умирая, издавали долгій крикъ“. За этими днями осталось особое названіе: „красныя мессы“. Однажды, когда должна была свершиться казнь 54-хъ лицъ (дѣло 20-лѣтней Сесили Рено, Амираля и 52-хъ другихъ), одинъ изъ депутатовъ воскликнулъ: „Теперь пойдемъ къ подножію великаго престола смотрѣть, какъ празднуется красная месса!“. Онъ намекалъ, очевидно, на тѣ знаменитыя мессы, которыя во время стараго режима справлялись во Дворцѣ Правосудія каждой осенью, въ присутствіи всѣхъ судей Парижа, облаченныхъ въ ихъ красныя мантіи. Но теперь новыя красныя мессы справлялись ежедневно. Фукье жаждетъ крови: „мнѣ нужно въ недѣлю по 300, по 400 головъ“. „Онѣ падаютъ, какъ че-

репицы", однажды заявилъ онъ. „Красная пѣна" заливаетъ Парижъ, а съ нимъ и всю страну.

Трибуналъ послѣ закона 22 преріаля снова измѣненъ въ своемъ составѣ; оставлены лишь „крѣпкіе" присяжные—часть составляетъ личный эскортъ Робеспьера; съ ними можно быть увѣреннымъ за приговоръ. Поэтому на судѣ ни обвинитель, ни его товарищи болѣе не произносятъ рѣчей. Незачѣмъ обвинять, когда „нравственныя доказательства" сдѣлаютъ свое. Вся работа сосредоточена въ канцеляріяхъ, гдѣ лихорадочно пишутъ обвинительные акты по спискамъ, переданнымъ изъ Комитета Общественнаго Спасенія и заготовляютъ приговоры. Но даже и они, эти писцы, эти „свои люди" не застрахованы отъ гильотины на завтрашній день. Примѣръ — писецъ Легри. Однажды, въ пять часовъ ночи его арестовали, въ семь привели въ Консьержери; въ 9 вручили обвинительный актъ; въ десять онъ сѣлъ на страшную скамью; въ два былъ осужденъ; въ четыре не существовалъ. Въ этомъ страхѣ всѣхъ другъ передъ другомъ наглость людей, называющихъ себя обвинителями, судьями и присяжными, безмѣрно растетъ. Появляются заранѣе заготовленные (бланкетные) обвинительные акты, въ которыхъ оставлено мѣсто для именъ подсудимыхъ, и напередъ написанные приговоры. Допросъ на судѣ сводится буквально къ словамъ: „какъ тебя зовутъ? Ты былъ заговорщикомъ?",—и къ слѣдующему, каковъ бы ни былъ отвѣтъ. Никакихъ объясненій. Приговоръ, какъ въ дѣлѣ Дантона, теперь уже никогда не объявляется на судѣ: его читаютъ пристава въ тюрьмѣ. Присяжные иногда не уходятъ вовсе совѣщаться, пользуясь тѣмъ, что подсудимые послѣ постановки вопросовъ уведены въ тюрьму, откуда черезъ часъ поступятъ въ распоряженіе палача.

Такъ судятъ. Спрашивается, какъ, откуда собираютъ это мясо гильотины? — Для этого изобрѣтенъ особый способъ, такъ называемые „заговоры въ тюрьмахъ", путемъ которыхъ составляютъ списки всѣхъ „гуртовъ" (fournées).

Въ тюрьмахъ Парижа въ это время сосредоточилось 8—10 тысячъ заключенныхъ. Старыхъ мѣстъ заключенія не хватало, открывались новыя; ихъ называли „складами Фукье“. Въ нихъ находились бывшіе аристократы, священники, люди, сколько-нибудь связанные со старымъ режимомъ или служившіе ему, наконецъ, въ огромномъ числѣ люди народа, простые земледѣльцы, которыхъ со всѣхъ концовъ страны революціонные комитеты направляли, какъ подозрительныхъ, въ Парижъ. И Комитетъ Общественнаго Спасенія, осуществляя вновь утвердившееся царство Разума и Добродѣтели, не побрезгалъ обратиться для составленія проскрипціонныхъ списковъ къ вѣдомымъ негодямъ среди заключенныхъ. Нашлись и въ эту эпоху люди, которые за плату устраивали и обнаруживали тамъ „заговоры“, т. е. указывали имена тѣхъ арестантовъ, которые якобы составляли планы бѣгства, или держали „аристократическія рѣчи“ въ общихъ камерахъ, или же отзывались неодобрительно о Робеспьерѣ, о Комитетѣ и о Революціонномъ Трибуналѣ.

Такихъ заговоровъ было инсценировано нѣсколько. Въ числѣ главныхъ отмѣтимъ: 1) тюрьма Бисетръ: два „гурта“: 28 преріаля (16 іюня) и 8 мессидора (26 іюня), по 37 казненныхъ въ каждомъ; 2) заговоръ Люксембургской тюрьмы: три „гурта“, первый 19 мессидора (7 іюля)—60 человѣкъ; второй, 21 мессидора (9 іюля)—48 человѣкъ, третій, 22 мессидора (10 іюля), 46 человѣкъ; 3) заговоръ Кармелитской тюрьмы—5 термидора (23 іюля)—45 осужденныхъ; наконецъ, 4) заговоръ Сенъ-Лазарской тюрьмы (три гурта 6, 7 и 8 термидора—24, 25 и 26 іюля) по 25, 26, 25 человѣкъ. Въ этихъ процессахъ свидѣтелями были по большей части тѣ именно шпіоны, которые составляли списки; иногда, когда попадался честный свидѣтель, его немедленно „присоединяли“ къ подсудимымъ. Напримѣръ, въ дѣлѣ второго гурта Люксембурга Лезеннъ, одинъ изъ надзирателей этой тюрьмы, мужественно показалъ, что никакого заговора въ ней не было. Фукье тотчасъ же просилъ привлечь его къ отвѣт-

ственности за ложное показаніе. Судъ вынесъ дословно нижеслѣдующее опредѣленіе: „Имѣя въ виду, что существованіе заговора въ Люксембургской тюрьмѣ доказано, что заговоръ этотъ былъ направленъ противъ безопасности народа и къ уничтоженію Конвента, и что невозможно, чтобы свидѣтель не зналъ объ этомъ заговорѣ, Судъ, согласно заключенію общественнаго обвинителя, опредѣляетъ заключить Лезенна подъ стражу". Черезъ нѣсколько часовъ свидѣтель былъ казненъ вмѣстѣ съ остальными „заговорщиками".

Таковъ молніеносный режимъ, установленный закономъ 22 прэріаля, таково воплощеніе идеи мгновенной справедливости, проповѣданной „добродѣтельнымъ" Кутономъ. — Такіе методы приводятъ къ самому невѣроятному разнузданію инстинктовъ, влекутъ за собою самыя преступныя небрежности. Встрѣчаются обвинительные акты, очевидно ранѣе, какъ мы уже говорили, заготовленные, съ пустыми мѣстами для включенія въ нихъ именъ подсудимыхъ, причемъ эти пустыя мѣста иногда слишкомъ велики и остаются въ части пустыми, иногда слишкомъ малы, и имена подсудимыхъ съ трудомъ въ нихъ умѣщаются; къ тому же, имена эти написаны постороннею рукою, что доказываетъ ихъ позднѣйшее проставленіе. Иногда имена нѣкоторыхъ лицъ, хотя и помѣщенныхъ въ приговорѣ и осужденныхъ, оказываются зачеркнутыми въ обвинительномъ актѣ; другіе же, напротивъ, обвинены и казнены, хотя ихъ имена въ этихъ актахъ вовсе не значатся, и хотя нѣтъ никакихъ указаній на ихъ присутствіе въ засѣданіи. Порою въ обвинительномъ актѣ противъ пустыхъ строчекъ проставлены номера, такъ что можно думать, что къ нимъ имѣлось въ виду приписать перваго встрѣчнаго. Въ одномъ случаѣ, въ обвинительномъ актѣ, составленномъ Фукье, указывается на двадцать двухъ обвиняемыхъ. По этому дѣлу одинъ оправданъ, но двадцать семь осуждены и казнены, такъ что для шести не было ни слѣдствія, ни процесса вообще (показаніе Реаля въ дѣлѣ Фукье).—Какъ это происходитъ? Въ канцеляріи

писалось столько копій обвинительныхъ актовъ, сколько было присяжныхъ, и еще одна для предсѣдателя; иногда за этой работой проходила ночь. „Часто, говорилъ потомъ одинъ изъ секретарей (Вольфъ), въ нихъ не ставилось ни именъ, ни фамилій обвиняемыхъ; чтобы заполнить эти мѣста, ждали, пока ихъ раскроютъ въ разныхъ тюрьмахъ. Для нахожденія ихъ,—продолжаетъ Вольфъ,—были спеціально оплаченные люди, и по мѣрѣ того, какъ они находили обвиняемыхъ, проставлялись имена въ обвинительныхъ актахъ. Отсюда эти пропуски. Отсюда же и тотъ фактъ, что обвиняемымъ нельзя было вручить обвинительнаго акта ранѣе дня засѣданія, ибо наканунѣ, поздно ночью, еще не было ихъ именъ...“

Вмѣстѣ съ обвинительными актами теряютъ всякій характеръ юридическаго приличія и тѣ акты, которые составляются на судѣ: печатные протоколы совершенно расходятся съ дѣйствительностью; даже имена осужденныхъ иногда въ нихъ проставляются не всѣ; иногда писецъ останавливается по серединѣ и просто отсылаетъ къ списку обвинительнаго акта. Въ нѣкоторыхъ вопросныхъ листахъ отвѣтъ присяжныхъ гласитъ: „всѣ названные подсудимые признаны виновными“. Между тѣмъ, въ этомъ числѣ находятся лица, которыя вовсе не судились, ибо имена ихъ, включенныя въ обвинительный актъ, впослѣдствіи (очевидно передъ засѣданіемъ) вычеркивались. Точно также, наконецъ, и самые приговоры написаны на бланкахъ, заранѣе заготовленныхъ, въ которыхъ уже ранѣе приговора написана и подписана судьями резолютивная часть его, такъ что самыя имена осужденныхъ вставляются во время засѣданія, и иногда между печатными строчками и мѣстомъ, оставленнымъ для диспозиціи, остаются полторы пустыхъ страницы (дѣло госпожи Елизаветы и 24 другихъ).

Наряду съ этими документами есть люди, которые ихъ составляютъ, пишутъ или заставляютъ писать. Одни стоятъ другихъ.— Тѣ, которые называются присяжными, становятся самыми хладнокровными палачами. Они изобличаются въ томъ, что еще до за-

*

кона 22 преріаля, когда существовала тѣнь защиты, они прерывали подсудимыхъ и ихъ защитниковъ подъ предлогомъ, что дѣло для нихъ выяснено. При этомъ часто дѣло идетъ лишь полтора часа, хотя налицо шестьдесятъ подсудимыхъ, иногда и болѣе. Эти же присяжные виновны и въ томъ, что въ совѣщательной комнатѣ принимали Фукье и другихъ лицъ, вліявшихъ на ихъ убѣжденія, или выходили изъ нея для разговоровъ съ посторонними лицами; въ томъ, что они возвращались въ залъ засѣданія черезъ пять или шесть минутъ послѣ ухода на совѣщаніе по дѣлу, по которому привлечено столь значительное число подсудимыхъ, что время засѣданія не было достаточно для опроса ихъ объ именахъ и фамиліяхъ, званіяхъ, возрастѣ и мѣстожительствѣ; что они давали одинъ отвѣтъ по всему дѣлу, не отдѣляя вопроса о событіи отъ отдѣльныхъ вопросовъ объ обвиняемыхъ. Мы уже упоминали, что иногда они не считали нужнымъ удаляться въ совѣщательную комнату. Есть еще факты, прямо поразительные. „Однажды,—говоритъ судебный приставъ Леклеркъ,—я положилъ на столъ, когда присяжные собирались уйти въ совѣщательную комнату, свертокъ документовъ, представленный подсудимыми въ ихъ защиту. Нѣкоторые изъ присяжныхъ заявили: „Намъ все извѣстно, достаточно“. — Гарро разсказываетъ, что однажды, когда жена его была въ кабинетѣ Фукье, туда вошли четверо присяжныхъ, только что осудившихъ большое число лицъ; Фукье спросилъ, что же эти люди сдѣлали. „Ну, мы-то ничего не знаемъ, былъ отвѣтъ, — но если тебя это такъ интересуетъ, ты можешь еще побѣжать за ними, такъ какъ сейчасъ ихъ увозятъ на повозкахъ“. Еще черта, чтобы кончить: судился молодой преподаватель изъ Безансона, Буамарье. Ренодэнъ, бывшій въ составѣ присяжныхъ, сошелъ со своей скамьи и занялъ мѣсто между свидѣтелями; тутъ онъ заявилъ о сношеніяхъ подсудимаго съ казненнымъ журналистомъ Горса, затѣмъ снова вернулся къ присяжнымъ и произнесъ смертный приговоръ тому, кого онъ только что обвинялъ. Другой, Вилатъ, однажды, когда дѣло, казалось ему, затянулось слишкомъ долго, въ концѣ концовъ всталъ и обратился къ предсѣдателю Дюма: „под-

судимые виновны и притомъ вдвойнѣ, ибо въ данный моментъ они устроили заговоръ противъ моего желудка“... „Въ революціи, говорилъ онъ же, всѣ тѣ, которые преданы суду, должны быть осуждены“... (показанія Тирара и Дюкрэ въ процессѣ Фукье).

Такъ происходитъ эта бойня; появляются длинныя вереницы навсегда безсмертныхъ жертвъ упрощеннаго правосудія. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ остались особенно памятны. Это имена лицъ, неповинныхъ ни въ чемъ рѣшительно и казненныхъ безъ суда и слѣдствія. Есть сыновья, осужденные вмѣсто отцовъ, есть отцы, добровольно пошедшіе на смерть за дѣтей.

1-го термидора среди подсудимыхъ должны находиться Сенъ-Пернъ, его жена и дочь; обвинительный актъ упоминаетъ, между прочимъ, объ этихъ трехъ лицахъ; однако же, отецъ Сенъ-Пернъ вовсе не былъ арестованъ. Оказывается, что вмѣсто отца изъ тюрьмы привели вмѣстѣ съ матерью его сына 17 лѣтъ. Ясно, что мать не можетъ сойти за его жену; на судѣ мальчикъ заявляетъ объ ошибкѣ, указываетъ на свой возрастъ; и ошибка очевидна тѣмъ болѣе, что рядомъ съ нимъ его сестра, которая именуется его дочерью, хотя ей на четыре года больше, чѣмъ ему. Но предсѣдатель, Дюма, кричитъ; „граждане присяжные, вы видите, что сейчасъ онъ заговорщикъ, ибо сейчасъ ему болѣе 17 лѣтъ“. „Я сидѣлъ на скамьѣ, разсказывалъ послѣ жандармъ Юэль, рядомъ съ молодымъ Сенъ-Перномъ въ тотъ день, когда его осудили на смерть. Я его успокаивалъ, въ виду его возраста; онъ держалъ меня за руку. Онъ просилъ предсѣдателя прочесть выписку изъ его свидѣтельства о крещеніи. Предсѣдатель его прервалъ, замѣтивъ, что суду не надо никакого свидѣтельства. Я увидѣлъ по словамъ предсѣдателя и по выразительному жесту одного присяжнаго съ круглымъ лицомъ, что этотъ несчастный юноша погибъ. Я отнялъ мою руку; онъ повторялъ: „я невиненъ, я ничего не боюсь; но отчего твоя рука дрожитъ?“... Въ тотъ же день Сенъ-Пернъ былъ казненъ вмѣстѣ съ матерью, хотя никакого обвиненія противъ него возбуждено не было;

онъ осужденъ за факты, которые вмѣнялись въ вину его отцу. Со стороны суда это была не ошибка, а сознательное преступленіе, ибо въ вопросахъ передъ словомъ „Сенъ-Пернъ“ вставлены другимъ почеркомъ слова „Жакъ-Батистъ-Мари-Бертранъ 17 лѣтъ“, причемъ для слова Бертранъ не хватаетъ мѣста, и оно налегаетъ на ранѣе поставленное слово Сенъ-Пернъ.

Черезъ недѣлю, 8-го термидора, отецъ приноситъ себя въ жертву вмѣсто сына: въ Сенъ-Лазарской тюрьмѣ заключены Луазероль—отецъ, его сынъ и жена. Седьмого, вечеромъ, вызываютъ Луазероля. Не намъ описывать трагическую сцену, которая тутъ происходитъ. Старикъ отправляется въ канцелярію тюрьмы; прощаясь, онъ говоритъ сыну: „они могутъ меня зарѣзать, но запачкать—никогда“. Его увозятъ въ Консьержери, ночью вручаютъ обвинительный актъ; изъ него онъ узнаетъ, что обвиненіе предъявлено вовсе не ему, а его сыну. Но старикъ рѣшаетъ, что нужно смолчать. На другой день судъ. Читается обвинительный актъ,—въ немъ совершенно ясно говорится о Луазеролѣ 22-хъ лѣтъ, тогда какъ на скамьяхъ передъ судьями старикъ 64-хъ. Что же дѣлаетъ предсѣдатель? Очень просто: онъ передѣлываетъ 22 на 64, вычеркиваетъ въ вопросахъ Франсуа и пишетъ Жанъ... Прошло три мѣсяца, и сынъ, освобожденный, внезапно, читая списки казненныхъ и видя „Луазероля 22-хъ лѣтъ“, узнаетъ все и понимаетъ, какъ его отецъ „во второй разъ далъ ему жизнь“.

Рядомъ съ героями есть люди, которые даже не понимаютъ, что ихъ ведутъ на казнь: Пюи де-Веринъ, 90 лѣтъ, оглохъ и ослѣпъ за три года до суда; онъ судился 9 термидора вмѣстѣ съ женой. „Ты былъ дворяниномъ?“ Отвѣта нѣтъ. „Почему у тебя нашли медали съ изображеніемъ Капета?“ На этотъ вопросъ пытается дать объясненіе жена. Оба казнены въ тотъ же день.

Нѣкоторыхъ убиваютъ помимо всякаго суда. Жанъ-Франсуа Перессъ, совѣтникъ парламента Тулузы, не былъ включенъ ни въ обвинительный актъ по дѣлу этихъ знаменитыхъ юристовъ

Франціи, ни въ вопросы присяжнымъ засѣдателямъ, ни въ приговоръ—ибо приговоръ по этому дѣлу вообще есть пустой подписанный бланкъ. Но когда секретарь въ тюрьмѣ послѣ суда вызывалъ осужденныхъ, онъ замѣтилъ Пересса и заставилъ его занять мѣсто среди прочихъ жертвъ. Перессъ безполезно указываетъ, что его нѣтъ въ спискѣ. Тотъ дѣлаетъ видъ, что переворачиваетъ листъ, и заявляетъ: „Ты на другой сторонѣ“. И это все...

И во всемъ этомъ наиболѣе жуткое и невѣроятное, по нашему мнѣнію, есть то, что сами подсудимые проявляютъ во всѣхъ случаяхъ такую страшную подавленность, такую атонію, такую безропотность передъ судьбой...

Правда, нѣкоторыя женщины пытались отсрочить смертную казнь заявленіемъ о беременности. Но и эти заявленія почти всегда вызывали только насмѣшки, циничные и оскорбительные вопросы, и не спасали отъ гильотины. „Я видѣлъ, говорилъ впослѣдствіи секретарь Вольфъ, по крайней мѣрѣ десять или двѣнадцать женщинъ, посланныхъ на казнь въ тотъ самый день, когда онѣ сдѣлали заявленіе о беременности“...

Въ одномъ же случаѣ имѣлъ мѣсто добровольный отказъ осужденной отъ такого заявленія: мы говоримъ о принцессѣ Гримальди-Монако. 8-го термидора она была приговорена къ казни и заявила о своемъ положеніи. Но на слѣдующій день она отправила Фукье письмо такого содержанія: „Гражданинъ, извѣщаю васъ, что я не беременна. Я хотѣла вамъ это сказать, но, не надѣясь болѣе, что вы придете, я теперь сообщаю вамъ объ этомъ. Я вовсе не осквернила моего рта подобной ложью изъ-за страха передъ смертью, или съ тѣмъ, чтобы ее избѣжать, но только для того, чтобы дать себѣ одинъ лишній день, чтобы самой отрѣзать себѣ волосы, а не отдать ихъ въ руки палача. Это единственное наслѣдство, которое я могу оставить моимъ дѣтямъ; по крайней мѣрѣ надо, чтобы оно было чистымъ“.—Подпись: „Гримальди-Монако, иностранная принцесса, умирающая отъ несправедливости французскихъ

судей". На оборотѣ: „гражданину Фукье-Тэнвиллю, очень спѣшное". Къ этой запискѣ были приложены письма къ дѣтямъ и шевелюра, отрѣзанная стекломъ.—9 термидора она была казнена.

Среди всѣхъ этихъ именъ, списокъ которыхъ можно было бы продолжить гораздо далѣе, одно свѣтится особымъ блескомъ; имя Андрэ Шенье, погибшаго во цвѣтѣ лѣтъ поэта, навсегда осталось символомъ жестокаго неправосудія. Здѣсь не мѣсто выяснять ни тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось его несомнѣнно очень крупное поэтическое дарованіе, ни особенности его политическаго міровоззрѣнія. Слѣдуетъ помнить лишь, что убѣжденія Шенье заставили его уже въ 1790 году, когда волна общественнаго движенія перехлестнула черезъ головы идеалистовъ и мечтателей, отойти отъ крайнихъ, выступить обвинителемъ якобинцевъ, которые являлись, по его мнѣнію, новыми и настоящими врагами Франціи. Преданный своему монарху, онъ даже предлагалъ себя, какъ нѣкоторые одинокіе люди того времени, въ защитники Людовика XVI-го, и, видимо, принималъ участіе въ этой защитѣ. Послѣ двадцать перваго января 1793 г. Шенье удаляется отъ всякой политической и публицистической дѣятельности и проводитъ больше года въ Версалѣ, въ близкой семьѣ [1]). Арестъ его произошелъ совершенно случайно, 7 марта 1794 г., въ Пасси, куда онъ прибылъ съ цѣлью предупредить одну знакомую особу объ угрожавшемъ ей арестѣ; это лицо успѣло скрыться, но самъ Шенье былъ задержанъ въ ея домѣ. Его личность сразу привлекла вниманіе явившихся для обыска агентовъ полиціи. Его арестовали и на слѣдующій день, по приказанію революціоннаго комитета Пасси, направили въ Парижъ для заключенія подъ стражу, согласно закону 17 сентября о „подозрительныхъ". Передъ арестомъ съ Шенье былъ снятъ первый (онъ же и послѣдній) допросъ, допросъ безграмотный и тенденціозный. Полиція старалась получить лишь свѣдѣнія о томъ, что дѣлалъ, чѣмъ былъ занятъ Шенье

1) Въ Версалѣ имъ написана знаменитая ода на смерть Шарлотты Кордэ.

въ знаменитые революціонные дни, напримѣръ 10 августа 1792 г. Такъ, ему задаютъ вопросъ о томъ, былъ ли онъ въ караулѣ въ этотъ день? Шенье отвѣчаетъ, что онъ бывалъ въ нихъ, но лишь тогда, когда ему позволяло здоровье. Засимъ, его спрашиваютъ: „10 августа, когда онъ услышалъ набатъ, взялся ли онъ за оружіе, чтобы летѣть на помощь согражданамъ и спасать родину?“. Отвѣтъ: „Нѣтъ, такъ какъ въ то время былъ слабъ“.—Затѣмъ длинный допросъ объ обстоятельствахъ этой болѣзни и о медицинскихъ свидѣтельствахъ, которыя могли бы служить удостовѣреніемъ ея. Оказывается, что у Шенье такихъ свидѣтельствъ на рукахъ нѣтъ. Онъ такъ и заявляетъ... Вопросъ: „Что же значатъ его слова, и какъ это вообще у него ихъ нѣтъ?“. Отвѣтъ все тотъ же: подобныхъ свидѣтельствъ у него нѣтъ. На это ему заявляютъ, что онъ „скверный гражданинъ, разъ онъ не принялъ участія въ защитѣ отечества, ибо даже хромые и больные взялись за оружіе въ тотъ знаменательный день“ и т. д... Наконецъ, начинаются вопросы о томъ, что дѣлали въ день 10-го августа отецъ Шенье, его братья, его лакей. Отвѣты полны ироніи и видимо раздражаютъ допрашивающихъ. Они еще разъ заявляютъ, что Шенье отвратительный гражданинъ, но тотъ невозмутимо утверждаетъ, что онъ сказалъ „точную истину“. Здѣсь полицейскій вдругъ выростаетъ до Понтія Пилата. „Такъ въ чемъ же эта точная истина?“ „А все то, что изложено здѣсь“... На этомъ допросъ законченъ; Шенье отказывается его подписать; его везутъ въ Парижъ, въ Сенъ-Лазарскую тюрьму.

Тутъ, въ сущности, онъ могъ надѣяться быть забытымъ на долгіе мѣсяцы, такъ какъ, будучи арестованъ мѣстной полиціей въ качествѣ простого подозрительнаго, онъ имѣлъ основаніе разсчитывать даже на то, что его имя вовсе не встрѣчается въ спискахъ комитетовъ общественнаго спасенія и общей безопасности. Во время заточенія въ Сенъ-Лазарѣ Шенье написалъ тѣ знаменитыя стихотворенія, которыя даютъ наилучшее представленіе о силѣ его таланта.—Въ іюлѣ наступила развязка драмы. Одно время существовало мнѣніе, что въ ней былъ виновенъ ни кто иной, какъ ста-

рикъ отецъ Шенье, который началъ хлопотать объ освобожденіи сына; и дѣйствительно, это было очень неумѣстно, такъ какъ своими хлопотами онъ только напоминалъ властямъ о существованіи сына, обращалъ на него вниманіе комитетовъ и Фукье. Однако, теперь окончательно выяснено, что казнь Шенье была предрѣшена только потому, что онъ попалъ въ проскрипціонные списки тюремныхъ „заговорщиковъ“; можно прослѣдить по документамъ, какъ имя Шенье сперва значится въ спискѣ, составленномъ въ самой тюрьмѣ, гдѣ написано: „Шенье—хранилъ бумаги испанскаго посла и утаилъ ихъ отъ розысковъ комитета общественной безопасности, съ тѣхъ поръ, какъ находится въ тюрьмѣ“. Затѣмъ его имя переходитъ (уже безъ всякихъ прибавленій) въ списокъ комитета общественнаго спасенія, наконецъ, и въ списокъ самого Фукье.

Шенье попадаетъ во второй „гуртъ“ Люксембургской тюрьмы, 7-го термидора. Въ обвинительномъ актѣ онъ выставляется сообщникомъ казненныхъ наканунѣ участниковъ миѳическаго заговора въ той же тюрьмѣ, попавшихъ въ первый „гуртъ“ Люксембурга. Послѣ этого обвинитель соединяетъ Шенье съ другимъ поэтомъ, Руше, который тоже былъ заключенъ въ Люксембургской тюрьмѣ и также оказался во второмъ гуртѣ. „Не были ли они оба, восклицаетъ Фукье, тѣми продажными писателями, которые состояли на жалованіи у тирана для того, чтобы смущать и совращать общественное мнѣніе и подготовлять всѣ преступленія деспотизма и тираніи?“ Наконецъ, въ обвинительномъ актѣ слѣдуетъ довольно длинная тирада, направленная якобы противъ Андрэ Шенье; но, къ удивленію, оказывается, что всѣ факты, здѣсь изложенные, могутъ относиться никакъ не къ Андрэ Шенье, а къ его брату, Соверу. Очевидно, въ комитетѣ общественной безопасности, откуда Фукье доставалъ свѣдѣнія для составленія обвинительнаго акта, поэта Андрэ Шенье спутали съ его братомъ, офицеромъ, который былъ арестованъ по подозрѣнію въ соучастіи съ измѣнникомъ генераломъ Дюмурье. Извѣстно, что на судѣ Андрэ Шенье заявилъ объ этой грубой ошибкѣ; и вѣроятно,

что именно послѣ этого заявленія въ подлинникѣ обвинительнаго акта вся эта тирада была вычеркнута. Однако же и въ заголовкѣ обвинительнаго акта, и въ вопросахъ о виновности, и, наконецъ, въ текстѣ самого приговора Шенье приписано наименованіе „адъютанта и начальника бригады при Дюмурье“. И съ этимъ фальшивымъ титуломъ, 25 іюля 1794 года, т. е. за два дня до конца террора, послѣ пародіи судебнаго слѣдствія взошелъ на эшафотъ поэтъ, который страшился умереть лишь потому, что еще „не выпустилъ изъ колчана всѣхъ своихъ стрѣлъ“... Черезъ двадцать пять лѣтъ были впервые изданы его стихотворенія; и въ неожиданномъ откровеніи міръ понялъ, какое преступленіе на счету у революціоннаго трибунала. Онъ задушилъ, безъ всякаго мотива, одного изъ крупнѣйшихъ поэтовъ Франціи.

V.

Такъ продолжается вплоть до 9-аго термидора. Наконецъ, наступаетъ и этотъ день, послѣ котораго какъ бы снова скрѣпляется распавшаяся связь временъ. День безграничнаго волненія, въ теченіе котораго положеніе нѣсколько разъ мѣнялось, то въ пользу Конвента, то въ пользу Коммуны, открыто поднявшей знамя Робеспьера. Два бурныхъ засѣданія Конвента: утромъ декретъ объ арестѣ Робеспьера и четырехъ депутатовъ (Сенъ Жюста, Кутона, Леба и Робеспьера-младшаго). Вечеромъ они, вмѣстѣ со всѣми членами возставшей Коммуны, объявлены Конвентомъ внѣ закона. Страшная формула! Въ силу ея лицо, объявленное внѣ закона, подлежало казни немедленно по установленіи его личности въ революціонномъ трибуналѣ путемъ удостовѣренія ея тремя муниципальными офицерами... Наконецъ, въ 12 часовъ ночи войска Конвента врываются въ залъ засѣданія Коммуны, Робеспьеръ раненъ въ челюсть жандармомъ Медà; а ночью онъ уже лежитъ, истекая кровью, въ Консьержери, рядомъ съ той камерой, откуда за восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ пошла на казнь Марія Антуанетта. Вмѣстѣ съ нимъ, также объявленный внѣ закона,

Дюма, кровавый предсѣдатель, котораго еще днемъ арестовали въ залѣ засѣданія трибунала, такъ что послѣднее засѣданіе довелъ до конца—до обычнаго конца—другой судья (Мэръ). Жутко думать, что въ тотъ день, когда рѣшалась судьба Террора, когда билъ набатъ, послѣдняя повозка осужденныхъ, какъ обыкновенно, направилась къ мѣсту казни. Говорятъ, уже утромъ палачъ докладывалъ Фукье, что въ городѣ неспокойно. Фукье отвѣтилъ: „иди своей дорогой, ничто не можетъ остановить исполненія закона". Такъ погибли послѣднія жертвы террора (46 человѣкъ); спаслась только одна, г-жа Майе. Вотъ какъ это случилось. За нѣсколько дней передъ 9-мъ термидора осудили ея сына. Когда затѣмъ она вошла въ тотъ же самый залъ, съ ней сдѣлался такой припадокъ, что пришлось выдѣлить ея дѣло и отложить его „на слѣдующій день".

Но на слѣдующее утро весь Парижъ ликовалъ отъ извѣстія, что террору наступилъ конецъ, что Робеспьеръ съ его кортежемъ внѣ закона, что ихъ сопротивленіе сломлено, что они уничтожены, и что надъ городомъ, насыщеннымъ кровью, наступаютъ лучшія времена.

Въ этотъ день, рано утромъ, делегація отъ трибунала направилась въ Конвентъ; среди нея былъ и самъ Фукье-Тенвилль; делегаты находятъ силы поздравить Конвентъ съ великою побѣдою, и Фукье, холодный и не растерявшійся передъ событіями юристъ, указываетъ Конвенту на юридическую затруднительность создавшагося положенія. Для казни лицъ, поставленныхъ внѣ закона, нужно удостовѣреніе трехъ муниципальныхъ офицеровъ; но вѣдь они, вмѣстѣ со всей коммуной, тоже внѣ закона. Какъ же быть? Конвентъ тотчасъ же разъяснилъ, что въ данномъ случаѣ и безъ этого удостовѣренія можно обойтись. Депутація удаляется обратно, и начинаются три дня жестокихъ казней: 103 человѣка, начиная съ окровавленнаго, не могущаго произнести слова, Робеспьера, проносятся или проходятъ передъ судомъ; удостовѣряютъ ихъ личность; Фукье, — тотъ же Фукье!—требуетъ для нихъ казни, и судъ провозглашаетъ смерт-

ный приговоръ. Безъ всякихъ волненій та же процедура производится и надъ вчерашнимъ предсѣдателемъ Дюма. Только одинъ разъ у Фукье не хватило духа: когда очередь дошла до его бывшаго помощника, въ то время мэра Парижа, Флеріо-Леско, онъ не выдержалъ и сошелъ съ трибуны. Благородный жестъ! Только напрасно впослѣдствіи, уже на скамьѣ подсудимыхъ, Фукье самымъ печальнымъ образомъ доказывалъ, что онъ при этомъ не руководствовался никакими „особыми“ соображеніями...

Эти три дня 9—11 термидора, дни кризиса и перелома, служатъ этапомъ, съ котораго начинается новая глава Французской исторіи, такъ называемая послѣтермидоровская реакція.

Вслѣдъ за крутымъ и жестокимъ подъемомъ кривая казней чрезвычайно быстро опускается. Въ умахъ происходитъ полный почти что переворотъ; прежніе герои уже кажутся и называются тиранами и убійцами; прежніе „заговорщики“—несчастными жертвами. Въ связи съ этой перемѣной настроенія, сразу нашедшей откликъ и въ Конвентѣ, испытываетъ чрезвычайныя измѣненія и судьба Революціоннаго Судилища. Черезъ день послѣ расправы,—какъ назвать ее иначе?—надъ главарями Коммуны и возстанія, Конвентъ пріостанавливаетъ дѣйствіе трибунала и прежде всего отмѣняетъ законъ 22 преріаля (декретъ 14 термидора, 2 августа). И когда въ томъ же засѣданіи Комитеты предложили для новаго, реорганизуемаго судилища въ качествѣ общественнаго обвинителя все того же Фукье, одинъ изъ членовъ Конвента не выдержалъ и потребовалъ вмѣсто этой новой чести немедленно заключить подъ стражу и отдать суду революціоннаго трибунала самаго же обвинителя; что и было декретировано.

Въ тотъ же день Фукье, узнавъ о декретѣ, явился въ тюрьму и отдалъ себя въ распоряженіе властей.

Съ этого момента исторія Революціоннаго Трибунала перестаетъ быть исторіей того революціонно-суднаго учрежденія, которое было создано въ мартѣ 1793 года; при сохраненіи прежняго названія, онъ становится воплощеніемъ другихъ задачъ, другихъ пріемовъ,

олицетвореніемъ другой справедливости. Поэтому описаніе его дальнѣйшей дѣятельности едва-ли входитъ въ задачи настоящаго очерка. Скажемъ только, что онъ подвергся въ теченіе послѣднихъ восьми мѣсяцевъ своего существованія двумъ реорганизаціямъ; изъ нихъ первая—декретъ 11 августа (23 термидора)—возстановила трибуналъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до изданія кроваваго закона 22 преріаля (10 іюня). Такимъ образомъ былъ возстановленъ предварительный допросъ; возстановлены защита и свидѣтельскія показанія; наконецъ, предсѣдателю было вмѣнено въ обязанность ставить всегда особый вопросъ о намѣреніи подсудимаго. Въ силу этого, признаніе подсудимаго виновнымъ хотя бы и въ преступномъ дѣяніи, но безъ установленія при томъ, что это дѣяніе учинено именно съ контръ-революціоннымъ намѣреніемъ, обязывало судъ оправдывать подсудимаго. Это давало, конечно, присяжнымъ возможность самаго широкаго освобожденія обвиняемыхъ. Нечего прибавлять, что личный составъ трибунала былъ почти весь совершенно измѣненъ. Съ этой эпохи, дѣйствительно, начинается полоса, которую можно назвать полосой ликвидаціи прежнихъ арестовъ. За время существованія трибунала въ этой формѣ,—а оно продолжалось четыре мѣсяца,—изъ 942 подсудимыхъ 837 были оправданы и только 46 присуждены къ смертной казни. Замѣтимъ, впрочемъ, что и эти приговоры далеко не всегда кажутся намъ соотвѣтствующими тѣмъ преступленіямъ, за которыя привлекались обвиняемые. И въ самомъ дѣлѣ, въ сохраненіи революціоннаго по существу трибунала въ контръ-революціонное время нельзя не видѣть нѣкотораго противорѣчія. Имъ вызываются, съ одной стороны, и непонятныя уже казни дворянъ и священниковъ; оно же явилось причиною неожиданнаго результата въ знаменитомъ дѣлѣ Нантскаго революціоннаго Комитета и Проконсула Вандеи, знаменитаго Каррье [1]). Это было первое дѣло, въ которомъ открыто обвинялись террористы. Судилось тридцать

[1]) 25 ноября—16 декабря 1794 ода.

человѣкъ; всѣ были изобличены въ невѣроятныхъ жестокостяхъ, но присяжные отвѣтили утвердительно только на три вопроса о „намѣреніи“ подсудимыхъ, не признавъ доказаннымъ, что остальные 27 человѣкъ „съ контръ-революціонными намѣреніями“ потопили въ рѣкѣ Луарѣ посредствомъ спеціальныхъ лодокъ съ подъемнымъ дномъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Обратная сторона необходимости всегда ставить особый вопросъ о „намѣреніи“ обвиняемаго сказалась тутъ съ очевидностью. Этотъ приговоръ присяжныхъ вызвалъ огромное волненіе въ обществѣ. Народъ не представлялъ себѣ, какимъ образомъ люди, изобличенные въ ужасныхъ преступленіяхъ, могли быть въ концѣ концовъ отпущены на волю.

Возмущеніе, вызванное дѣломъ Каррье, повлекло за собою вмѣшательство Конвента: 27 оправданныхъ были преданы суду обыкновенныхъ судовъ, и дѣятельность революціоннаго трибунала снова была пріостановлена (декретъ 18 декабря—28 фримера III г.).

Возобновилась она лишь черезъ два мѣсяца, послѣ еще одного, на сей разъ послѣдняго, переустройства Революціоннаго Трибунала по закону 8 нивоза III г. (28 декабря 1794 г.). Эта послѣдняя реорганизація трибунала свидѣтельствуетъ о стремленіи создать спеціальный судъ для политическихъ преступниковъ, но облеченный всѣми формами, гарантирующими охрану подсудимаго и свободу его защиты. Длинный и очень подробный законъ установилъ все судопроизводство новаго трибунала. Мы отмѣтимъ только, что наконецъ отказались отъ мысли ставить постоянно вопросъ о наличности контръ-революціонныхъ намѣреній подсудимаго, замѣнивъ его постановкой вопроса о томъ, не учинено ли судимое дѣяніе невольно или же безъ дурного умысла. Такія правила открывали уже широкую возможность судить всякихъ террористовъ, весь „якобинскій хвостъ“. Однако, въ новыхъ мѣхахъ осталось еще немного стараго вина: такъ, напримѣръ, присяжные, призывавшіеся къ исполненію своей обязанности срокомъ на три мѣсяца, должны были судить въ составѣ

одиннадцати человѣкъ [1]); они должны были мотивировать громогласно свое рѣшеніе; наконецъ, и самые приговоры суда не подлежали никакому обжалованію. Но и при этихъ недостаткахъ законъ 8-го нивоза въ сравненіи съ прежними является въ высокой мѣрѣ гуманнымъ и юридически пріемлемымъ. Его появленіе привѣтствовалось, какъ воцареніе истиннаго правосудія.

Въ этомъ измѣненномъ трибуналѣ было заслушано, наконецъ, и дѣло самого Революціоннаго Трибунала прежнихъ дней. Для людей 22-го преріаля наступилъ часъ дѣйствительнаго возмездія. 27-го марта 1795 г. началось дѣло Фукье, бывшаго предсѣдателя Германа, девяти судей и 14 присяжныхъ засѣдателей. Во время слѣдствія къ нимъ были присоединены (это допускалось въ опредѣленныхъ случаяхъ и по новому закону) тѣ такъ называемые свидѣтели, которые были составителями проскрипціонныхъ списковъ по тюремнымъ заговорамъ. Огромный обвинительный актъ перечислялъ всѣ тѣ преступленія, которыя совершались подъ видомъ отправленія правосудія. Дѣло тянулось больше мѣсяца, допрошено было болѣе 400 свидѣтелей. Этотъ гигантскій процессъ раскрылъ съ чрезвычайною ясностью всѣ отвратительные пріемы, примѣнявшіеся обвинителемъ, судьями и присяжными; 6 мая онъ закончился осужденіемъ Фукье, Германа, трехъ доносчиковъ, нѣсколькихъ судей и присяжныхъ засѣдателей. 16 человѣкъ были оправданы. На слѣдующій день, при огромномъ стеченіи народа, Фукье и всѣ остальные были казнены на площади Согласія. Фукье былъ центромъ общаго вниманія. „Его взоръ, непроницаемый, какъ мраморъ, отвращалъ всѣ взгляды; видно было даже, какъ онъ улыбается и произноситъ угрожающія слова“. Наконецъ, и этотъ „безумный террористъ погибъ подъ неумолимымъ мечомъ закона, и жизнь его

[1]) Послѣ оправданія одного подозрительнаго лица при раздѣленіи голосовъ 12 присяжныхъ поровну, Конвентъ, еще до 22-го преріаля, издалъ декретъ о томъ, что число присяжныхъ въ Революціонномъ Трибуналѣ должно быть нечетнымъ.

потухла въ крови“ (Парижъ во время Революціи II, 129). По счету эта жизнь была 2791-ая.

Процессомъ Фукье исторія Революціоннаго Трибунала заканчивается. 31 мая 1795 года, по декрету Конвента, онъ совершенно прекратилъ свое существованіе. Мало того, Конвентомъ было издано два декрета (21 преріаля—28 іюня и 28 термидора—16 августа) о кассаціи всѣхъ безъ исключенія приговоровъ, вынесенныхъ Революціоннымъ Трибуналомъ по всѣмъ дѣламъ съ 10 марта 1793 года до 8 нивоза III года (28 декабря 1794 г.). Они явились какъ бы актомъ высшей справедливости по отношенію къ памяти погибшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвратили ихъ наслѣдникамъ право на конфискованное имущество. Этотъ красивый, хотя и нѣсколько театральный жестъ Конвента служитъ заключительнымъ аккордомъ лѣтописи Революціоннаго Судилища.

Оглядываясь на всю исторію его возникновенія и развитія, нельзя не прійти къ нѣкоторымъ чрезвычайно простымъ выводамъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что въ дѣятельности Трибунала сказались, прежде всего, и психологія момента, и психологія французскаго народа вообще—стремленіе къ нахожденію, подъ властью какой-либо идеи, самыхъ крайнихъ, самыхъ ясныхъ и рѣзкихъ формъ ея воплощенія, хотя бы цѣною крови, цѣною трагичнаго; наряду съ этимъ, напряженіе нервовъ и силъ народныхъ до самаго послѣдняго предѣла, пока, наконецъ, какъ въ катастрофѣ девятаго термидора, не происходитъ бурное крушеніе, а за нимъ воцареніе новыхъ идей, новыхъ настроеній, иногда лишь подъ старымъ названіемъ. Но за всѣмъ тѣмъ, отъ изученія исторіи кроваваго судилища остается и та цѣнная для юриста увѣренность, что существуютъ такія формы правосудія, такія гарантіи правильнаго его отправленія, отбросивъ которыя Судъ роковымъ образомъ не можетъ удержаться на высотѣ и падаетъ до полнаго юридическаго и моральнаго извращенія. Эти формы—необходимость защиты прежде всего, необходимость широкаго права кассаціи. Свобода подсудимаго въ процессѣ и свя-

занность суда передъ лицомъ кассаціонной инстанціи являются тѣми единственными принципами, которые держатъ Судъ на должномъ уровнѣ. Но система „диктатуры юстиціи“, о которой мечталъ Сенъ-Жюстъ, отвергла оба эти основанія и, сдѣлавъ изъ Суда политическое орудіе, превратила его въ „театръ смерти“, привела его на путь явныхъ „юридическихъ убійствъ“ (выраженіе Буасси-д'Англà). А къ такому Суду исторія всегда приложитъ слова, сказанныя Дантономъ при входѣ подъ своды Консьержери: „Я учредилъ революціонный трибуналъ; я прошу теперь за него прощенія и у Бога, и у людей!“

Въ заключеніе же нужно отмѣтить, что идея суда присяжныхъ, какъ это ни кажется удивительнымъ, не погибла послѣ Революціи; тѣ кровавыя мессы, которымъ служили присяжные Революціоннаго Трибунала, миновали, но кровь, во время ихъ пролитая, не наложила ржавчины на институтъ присяжныхъ засѣдателей; стоило только впослѣдствіи измѣнить очевидные недостатки его организаціи, и онъ снова утверждается, какъ лучшая форма уголовнаго правосудія. Идея суда присяжныхъ не блекнетъ, несмотря на это суровое испытаніе. Ее можно, послѣ этого, по праву сравнить съ стрѣлою древняго Эвандра: брошенная вверхъ, она уже не падаетъ на землю, а возгорается на небѣ вѣчною звѣздой.

БИБЛИОТЕКА
Ленинград. отдел
Коммунист. Ака
при ЦИК. С
36852

ЛИТЕРАТУРА.

1. E. Compardon.—Le tribunal révolut de Paris. 2 vol. Paris, 1866.
2. H. Wallon.—Histoire du tribunal révolut. 6 vol. Paris. 1880.
3. M. Domenget.—Fouquier-Tenville et le trib révolut Paris. 1878.
4. H. Wallon.—Le tribunal révolut. 2 vol. Paris 1899.
5. G. Lenotre.—Le Tribunal révolutionnaire. Paris. 1910.
6. P. Gaulot.—Les petites victimes de la terreur. Paris. 1912.
7. Baron de Batz —Vers l'échafaud. Paris.
8. Для процесса Маріи Антуанетты: Procès des Bourbons, 2 éd. II vol. Paris. 1812.
9. Для дѣла Андрэ Шенье: Préface de B. de Fouquières, oeuvres de Chenier, Prose. Paris. 1885.
10. Для процесса Фукье: A. Dunoyer, Fouquier—Tinville. Paris. 1913.
11. A. Dunoyer.—Deux jurés du trib. révolut. Paris. 1909.

Библіографія у Tourneux, Bibliog. de la ville de Paris, т. I, №№ 3925—3974.

Оглавленіе.

стр.

I.

Учрежденіе Революціоннаго Трибунала. Законъ 10 Марта 1793 г.— Вѣдомство и составъ суда. — Способъ голосованія присяжныхъ засѣдателей 5
Дополнительный законъ 5 Апрѣля 1793 г. . . . . .
Общественный обвинитель при Трибуналѣ Фукье-Тэнвиль . . .
Судопроизводство· направленіе дѣла, обвинительные акты, предаціе суду, протоколы и приговоры . . . . . .
Роль защиты . . . . . .
Періоды, на которые распадается исторія Трибунала . . . . . .

II.

Первые процессы. Дѣло Екатерины Клеръ. Дѣло Марата . . . 24
Дѣло Шарлотты Кордэ . . . . . .
О постановкѣ вопросовъ въ дѣлахъ уголовныхъ въ связи съ процессомъ Кордэ . . . . . .
Развитіе дѣятельности трибунала. Законъ 17 Сентября 1793 г. о «подозрительныхъ». Толкованія Парижской Коммуны . .
Процессъ Маріи-Антуанетты. . . . . .

III.

Дѣло 22-хъ Жирондистовъ. Декретъ Конвента отъ 30 Октября 1793 г. 47
Дѣло госпожи де-Лаверн . . . . . .
Процессъ «крайнихъ» (Геберъ и др.). . . . . .
Процессъ «умѣренныхъ» (Дантонъ, К. Демулэнъ и др.). . . . .

IV.

Терроръ. Докладъ Кутона 58
Законъ 22-го прэріаля. . . . . .
49 дней. «Красныя Мессы». «Заговоры» въ тюрьмахъ . . . . .
Какъ пишутся въ это время обвинительные акты и приговоры; какъ ведутся дѣла . . . . . .
Примѣры: Сенъ-Пернъ, Луазероль и др. Принцесса Монакская .
Дѣло Андрэ Шенье . . . . . .

V.

9-ое Термидора, паденіе Робеспьера. Роль Трибунала. 75
Переломъ и реакція. Реорганизація Трибунала по закону 11 августа 1794 г. . . . . .
Вторая реорганизація (Законъ 28 Декабря 1795 г.). . . . . .
Процессъ и казнь Фукье-Тонвиля. Прекращеніе дѣятельности Трибунала (Декретъ 31 Мая 1795 г.) . . . . . .
Заключеніе . . . . . .

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам
8.6.70

БИБЛИОТЕКА
Ленинград. отделения
Коммунист. Академии